

Омнтрий Емельянов

МЕСТЬ
САМТЕРЦИ
БРЕМЯ ВЛАСТИ

4

16+

Местъ Империи

Дмитрий Емельянов

Местъ Империи 4. Бремя Власти

«Автор»

2022

Емельянов Д. А.

Месть Империи 4. Бремя Власти / Д. А. Емельянов — «Автор»,
2022 — (Месть Империи)

События, вроде бы, текут по плану Великого магистра, но жизнь постоянно вносит свои коррективы, а человеческие чувства зачастую превалируют над расчетом и логикой, делая большую игру все более непредсказуемой. Ситуация постоянно меняется, и те, кто был наверху и рулил судьбами мира, в одночасье могут оказаться в самом низу, в буквальном смысле сброшенными в яму.

© Емельянов Д. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Лагерь императорской армии под стенами Ура	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Емельянов

Месть Империи 4. Бремя Власти

Глава 1

Начало весны 122 года от первого явления Огнерожденного Митры первосвятителю
Иллирию

Лагерь императорской армии под стенами Ура

В черной прозрачности южной ночи стены и башни Ура почти сливались с горой, и даже цитадель, венчающая вершину, словно бы растворилась в темной пустоте. Погруженный во мрак город казался пустым и безжизненным, и лишь редкие огоньки факелов, мелькающие за высокими зубцами стен, говорили, что это не так. Ур все еще жил и готовился принять смертельный бой.

Внизу, у подножья горы, наоборот, ночь, словно прожженная тысячью огней, светилась бесчисленными кострами осаждающей армии. От этого скопища людей и незатихающего, даже в ночное время, гула исходила пугающая угроза голодной и жаждущей разрушения силы. Имперская армия, как огромный беспощадный зверь, замерла перед решительным прыжком. В каждой палатке, в каждом шатре с минуты на минуту ждали сигнала к штурму.

Внутри периметра имперских легионов это напряжение скрывалось за личиной безукоризненного порядка и дисциплины, и только свет в шатре стратилата в такой неурочный час мог подсказать, что эта ночь не закончится так же спокойно, как и предыдущие.

Четыре массивных подсвечника наполняли шатер Навруса светом двух десятков толстых оплавленных свечей. Кольшущиеся тени плясали на сосредоточенных лицах четырех человек, склонившихся над картой.

Фесалиец поднял взгляд на Велия.

– Скоро я прикажу поднимать легионы, и мы начнем выдвигаться. Успеешь?

Лука лишь молча кивнул, а Наврус положил растопыренную ладонь на карту.

– Повторю! Начинают два наших легиона. К этому времени ты со своим отрядом... – Его маленькие глазки уперлись в лицо Велия. – Должен быть уже на месте. Как только протрубят атаку и легионы пойдут на штурм, горожане бросятся на стены. Мы атакуем широким фронтом северную, восточную и западную стены города, но в первую очередь внимание защитников города будет приковано сюда и сюда. – Его палец ткнул в нарисованный на плане незаконченный вал и два подвесных моста. – Их возможности не безграничны. Неизбежно, они вынуждены будут снять людей с южной стены, оставив там лишь караульные посты. Горожане уверены, что там штурм невозможен, и мы этим воспользуемся. Лука со своими людьми скрытно заберется по скале и поднимется на стену. Он сам отобрал бойцов, способных на такое и готов за них поручиться. Ведь так? – Взгляд стратилата вновь метнулся к лицу новоиспеченного легата первого легиона, и тот, тяжело вздохнув, еще раз молчаливо кивнул.

Проблемы Луки по отбору людей сейчас Навруса не волновали, и он сделал вид, что не заметил демонстрации озабоченности, а вцепившись глазами в лицо Велия, добавил с металлом в голосе:

– Заберешься на стену, снимешь стражу и, не вступая в стычки, максимально быстро двинешься к главным воротам. – Его палец резко прочертил на карте прямую линию, пересекающую город с юга на север.

Молчавший до этого Прокопий поднял голову.

– Эта часть плана меня смущает больше всего. Улочки города – узкие, как расщелины в скале, там легко организовать оборону. – В устремленных на стратилата глазах патрикия застыла искренняя тревога. – Если им удастся остановить отряд Велия или хотя бы его задержать, то весь план рухнет, как карточный домик.

В ответ на лице Навруса появилась довольная ухмылка, он обожал вопросы, к которым был заранее готов.

– Вы абсолютно правы, мой несговорчивый друг, в нашем плане много уязвимых мест, и это одно из них, но... – Замолчав, Фесалиец позволил себе насладиться моментом и про-

должил, лишь когда Иоанн одарил его раздраженным взглядом. – Лука предложил отличный выход, и я не могу не оценить его талант. Как известно, прятать лучше всего на самом видном месте, и мы воспользуемся этой прописной истиной. Наши лазутчики, переодетые под сардийцев, не будут скрываться. Спустившись в город, они, наоборот, поднимут шум и с криком «Имперцы прорвались в город! Враг на южной стене!», побегут в противоположную сторону. В темноте, в условиях возникшей паники и полной неразберихи, думаю, никто не отличит их от тех сардов, что сейчас находятся в городе и не встанет у них на пути. Более того, панический слух о прорыве с юга ослабит оборону на главных направлениях штурма и поможет нам взойти на стены.

По лицам своих слушателей Наврус уже видел, что их с Велием план оценен по достоинству и возражений не будет, но все-таки не удержался и повернулся к Прокопию.

– Ну, что скажете, мой въедливый друг? – Его пухлые губы растянулись в ехидную улыбку. – Такой вариант вас устроит?

Вместо своего наставника ответил Иоанн:

– Мне нравится, должно сработать. – Он резко поднялся, чуть не опрокинув табурет на котором сидел, и, пройдясь взглядом по лицам собравшихся, добавил. – Осталось лишь выполнить задуманное!

Эта порывистость воспитанника, как и его странное выражение лица, не понравились Прокопию. Цезарь уже второй день был словно не в себе, но на все вопросы либо отмалчивался, либо отделялся ничего не значащими фразами. Патрикий собрался было подняться вслед за своим подопечным, но тот мягко, но безоговорочно положил ладонь ему на плечо и произнес:

– Все нормально. Если нерешенных вопросов больше нет, то я, пожалуй, пойду готовиться к штурму. – Стараясь не выдать терзающие его мысли, Иоанн уже сделал шаг к выходу, но в последний момент остановился, и, словно решившись на что-то, произнес:

– Лука, зайди ко мне сейчас. – Не отвечая на вопросительный взгляд Прокопия, он решительно отдернул полог шатра и молча вышел.

После душевной атмосферы шатра ночной воздух подействовал успокаивающе, и вздохнув полной грудью, Иоанн зашагал к своим палаткам. Мешая сосредоточиться на предстоящем штурме, его не переставая мучил один вопрос. Где Зара? Он не видел ее уже несколько дней, и это не давало ему покоя. В голове стоял их последний разговор и ее обещание решить проблему свидетеля. Стойкое предчувствие случившейся беды требовало от него действий, но в стремительно меняющейся обстановке он никак не мог решить, что же предпринять. Не хватало информации для правильного решения, но и просто ждать, когда ситуация хоть как-то определится, у него не было сил. Ему уже было абсолютно ясно – если Зара до сих пор не объявилась, значит, она попала в лапы Трибунала и ей требуется помощь

«Мне нужен совет. – Убеждал он самого себя и тут же правил. – Нет, мне нужна помощь. Помощь человека способного действовать решительно и без оглядки на последствия».

Трезвая оценка событий полностью убедила его, что скрытые поиски, как, впрочем, и любые разумные меры, приведут лишь к потере времени и что самое страшное – к возможной гибели Зары. Одна только мысль об этом приводила его в ужас и заставляла скрежетать зубами от собственного бессилия и глупости.

«Я сам, собственными руками, толкнул ее в застенки Трибунала! Как можно было позволить ей действовать в одиночку?! Без помощи, без прикрытия!» – В отчаянии он крыл себя последними словами, но в каком бы взвинченном состоянии он не находился, его мозг независимо от него работал, как идеально отлаженный механизм. Работал и искал выход.

Сейчас, глядя на входящего Велия, он уже принял решение, с которым сам же никогда раньше бы не согласился.

– Мой император, вы хотели меня видеть? – Лука остановился у входа, и Иоанн нетерпеливо шагнул навстречу.

– Зара пропала! – Он выпалил эти слова, как будто они жгли ему душу. – Ее нет уже несколько дней!

Иоанн замолчал, словно ожидая ответной реакции, но Лука не стал торопиться с ответом. За те годы, что он охранял этого юношу, он прекрасно его изучил. С первого же взгляда на жестко стиснутые губы ему стало понятно, что несмотря на кажущуюся горячность, этот парень не ждет от него совета или каких-либо слов. Решение уже принято и от него требуется лишь безукоризненно выполнить задание.

Помолчав, он все же задал вопрос.

– Вы знаете, где она?

– Точно сказать не могу, но думаю ее схватили служители Трибунала.

После этих слов в шатре застыла тяжелая тишина, и Велий, прочтя в глазах цезаря ответы на все вопросы, подумал: «А почему бы и нет. Сейчас, пожалуй, самое подходящее время. Лагерь поднят по тревоге. Легионы выдвигаются на позиции. Ночь, десятки пехотных колонн, сотни всадников. Суета, и все плохо понимают, где кто. Если аккуратно войти в расположение Трибунала, положить охрану мордой в землю...» – Тут, на лбу Велия собрались тяжелые морщины. – «Нет, в случае с Трибуналом оставлять свидетелей непозволительная роскошь. Эти ничего не забывают и подобного не прощают. Проще будет тихо всех вырезать, забрать девушку и этого дурня-конюха, будь он неладен, и также тихонько уйти. Пожалуй, возможно. Если обойдется без непредвиденных случайностей, то времени много не займет, и никто даже внимания не обратит.

Испытывающий взгляд Иоанна не отпускал, и молча кивнув, Лука задумчиво произнес:

– Нападение на Трибунал сильно отдает гарью костра, тут надо трижды подумать, кого на такое дело брать.

Иоанн терпеливо ждал продолжения, и его бывший телохранитель, помолчав с минуту, добавил:

– Отобранных для вылазки бойцов не возьмешь, им уже пора выдвигаться, но, пожалуй, в первой когорте найдется еще пара десятков. У Понция ребята не приучены задавать лишние вопросы. Разберемся с Трибуналом, а потом я догоню свой отряд.

Цезарь выдохнул с облегчением и отвел взгляд.

– Хорошо, но я пойду с тобой. – Подхватив тяжелый ремень с ножнами, Иоанн торопливо затянул его на поясе.

– Вряд ли это разумно. – Попытка бывшего комита охладить юношеский пыл встретила лишь гневную отповедь.

– Я просил помощи, а не советов, и тем более таких... Не забывай с кем ты говоришь, Лука!

Велий тут же вытянулся во фрунт.

– Простите меня, мой император! Сказал, не подумавши.

Накинув плащ, Иоанн внимательно и, словно бы извиняясь за вспыльчивость, посмотрел другу прямо в глаза.

– Это не прихоть. В таком деле будет лучше, если бойцы увидят того, чей приказ исполняют. – Он вскинул голову. – Я готов. Времени в обрез, скоро штурм.

Шатры отделения Трибунала в Великой армии стояли особняком у самых скал. Обнесенные частоколом, они мрачно темнели отстраненной тишиной на фоне мелькания факелов и всеобщего движения остального лагеря. Прямо за рогатками входа начинался крутой подъем, и черная гора нависала над палатками защитников Огнерожденного, словно вся та темная сила, с которой они были призваны бороться. С другой стороны к самому частоколу примыкали палатки второго дикого легиона, и сейчас, поднятый по тревоге, тот, строясь в походные

колонны, выдвигался к месту сбора. Желтые пятна факелов лишь сгущали ночную тьму, а горное эхо накрывало все вокруг грозным топотом тысяч походных сандалий.

Обойдя верхом расположение варварских легионов, Лука вывел два десятка бойцов прямо к тропе, спускающейся ко входу в расположение Трибунала. Сейчас пользуясь засветкой и грохотом с другой стороны, он, оставаясь незамеченным, рассматривал стоящих в карауле служителей буквально с двадцати шагов. Прямо в затылок ему дышал Понций, а за ним, вытянувшись в цепочку, замерли в ожидании отобранные им легионеры.

Прикидывая варианты, Велий недовольно хмурился. – «До начала штурма еще часа три. Надо успеть закончить все здесь и добраться до южной стены. Времени достаточно, но и медлить нельзя. Придется действовать наудачу, без разведки».

Словно услышав его мысли, послышался шепот центуриона:

– Я сниму этих олухов у входа. Потом один десяток берет канцелярию и шатер прокуратора, а остальные разберутся со спящими стражниками. Думаю, проблем не будет, проснутся уже в раю. – Шепот умолк, но через мгновение центурион задумчиво добавил: – Или в аду. Огнерожденный там сам разберется.

«Самые простые решения подчас самые верные» – подумав, Лука молча кивнул в сторону стражи – хорошо, действуй.

Дав своим знак – всем оставаться на местах, Понций бесшумно шагнул в сторону и пропал в темноте. Выждав несколько минут, Велий открыто двинулся по тропе в сторону лагеря. Караул, меньше всего на свете ожидавший нападения, очнулся, когда тот был уже шагах в трех.

– Стой, куда прешь?! – В недовольном тоне не было ни капли сомнений и страха.

Лука остановился и произнес с той нагловатой уверенностью, что так славятся имперские дукенарии:

– Кто у вас тут старший? У меня послание от командующего.

Стражники с сомнением переглянулись, будить начальство в такой час им совсем не хотелось, и подумав, один из них сделал шаг вперед.

– Давай мне, я передам.

Не двинувшись с места, Лука протянул руку, и стражник инстинктивно шагнул навстречу. Второй, лениво наблюдавший за происходящим, даже не заметил, как за спиной у него выросла мощная фигура Понция. В его глазах вспыхнул ужас лишь в тот момент, когда жесткая ладонь зажала ему рот, а оточенный клинок полоснул по горлу.

Предсмертный хрип и бульканье разорванного горла заставили его напарника удивленно повернуть голову. Ошеломленный, тот едва успел открыть рот, как меч Велия, пробив грудную клетку, ударил точно в сердце.

Подошедший центурион, оценив взглядом удар своего легата, лишь покачал головой.

– Вот что значит не одевать панцирь в караул. Драть их некому!

Усмехнувшись, Лука двинулся вперед, успев подумать, что Понций не был бы лучшим центурионом армии, если бы даже в такой момент не пропустил столь явное нарушение устава.

Впереди небольшой плац, засыпанный светлым песком, прямо за ним большой шатер прокуратора и канцелярии, слева палатки служителей, справа большой полотняный навес для стражи Трибунала. Велий жестами разбрасывал бегущих легионеров.

– Вы трое туда! – Его палец ткнул в белеющие конусы слева.

– Понций, займись стражей.

– Остальные за мной! – Он рванулся к шатру прокуратора. Теперь все решала слаженность и быстрота. Не дать служителям опомниться и поднять тревогу. Краем глаза он отметил, как Понций со своим десятком ворвался в длинную палатку стражей Трибунала и оттуда послышались глухие удары мечей и предсмертные хрипы.

Шатер прокуратора был пуст, и легионеры, обшарив каждый закуток лагеря, вытащили лишь пятерых священников Трибунала и еще одного громилу с шальными бегающими глазами

на помятом сонном лице. Всех поставили на колени прямо перед главным шатром. Послушники злобно шипели и бросали по сторонам бешеные взгляды, но не сопротивляясь, покорно опускались на песок. Лишь здоровяк, вдруг словно очнувшись, рванулся и, замычав что-то нечленораздельное, попытался вырваться из рук, но удар рукоятью меча в затылок мгновенно его успокоил. Туша экзекутора рухнула лицом в землю, и это подействовало парализующе на остальных, они затихли, и опустив глаза в землю, со страхом ждали что же будет дальше, не понимая – что за безумцы решились на них напасть.

Иоанн вошел в расположение Трибунала последним, когда все уже было кончено. Пройдя перед пятеркой пленных, он выбрал того, что постарше.

– Кто у вас сейчас главный вместо Исидора?

Ответа не последовало, но взгляды четверых инстинктивно дернулись в сторону одного, и тот, сжавшись, опустил голову.

Это не осталось без внимания, и цезарь остановился напротив стоящего на коленях молодого человека.

– Имя?

Священник молчал, не поднимая глаз, и легионер за его спиной с силой пнул его ногой в спину.

– Отвечай, когда тебя спрашивает император!

Распластавшийся на земле, служитель поднял разбитое в кровь лицо.

– Иеремий, мой господин. – В его глазах застыло удивление, перемешанное с ужасом. – Старший послушник Иеремий.

Иоанн присел на корточки и взглянул в глаза лежащему на песке человеку.

– Где девушка, Иеремий?

– Какая девушка? – В расширенных зрачках вспыхнуло искреннее непонимание, и Иоанн недовольно поморщился.

– Скажи мне, где девушка, Иеремий, и я обещаю, вы умрете быстро и безболезненно.

– Я не-е-е зн-н-аю! – По смотрящему на Иоанна лицу потекли слезы. – У нас не-е-ет никакой девушки.

Цезарь поднял мрачно-вопросительный взгляд на Велия – «что будем делать?», и тот задумчиво почесал подбородок. Пытать человека ему уже приходилось и не раз. Сейчас его останавливало совсем другое. Интуиция подсказывала старому солдату, что здесь что-то не так. Этот слуга трибунала не врал, в таком деле Лука знал толк.

Он молча присел рядом с цезарем и уставился немигающим взглядом в лицо послушника.

– А парень? Тот, кого вы похитили? Он где?

В ответ, в глазах лежащего вспыхнула искра безумного страха.

– Я не знаю. Его забрали.

– Кто? – Лука жестко схватил пытающееся отвернуться лицо.

– Я не-не знаю.

Вот теперь Велий видел, что послушник врет и, сжав ладонь, заставил того скривиться от боли.

– Кто забрал?

– Я не знаю, поверьте! – Молодой служитель почти завыл, обливаясь слезами. – Поверьте мне!

Не отпуская скулящего священника, Лука вопросительно взглянул на цезаря, и тот, поморщившись, отрезал:

– Он врет.

Молчаливо согласившись с Иоанном, Велий вытащил нож, и перехватив жертву за ухо, одним движением отсек его под самый корень. Рот послушника распахнулся было в отчаянном вопле, но широкая ладонь комита зажала его раньше.

– Ты же слуга Трибунала, – взгляд Велия уперся в переполненные болью глаза, – о пытках знаешь не понаслышке. Не мучай себя. Просто скажи, и все закончится.

Священник что-то замычал, и Лука ослабил нажим.

– Логофет! – Потрескавшиеся губы скривились невыносимой мукой. – Его забрали люди Сцинариона!

Глава 2

Допрос остальных служителей ничего нового не принес. Все в один голос твердили, что девушки не было, а еле живого парня не так давно забрали люди Великого логофета.

Иоанн задумчиво отвернулся, и Понций, переглянувшись с Велием, воспринял это как сигнал к окончанию. Легкий кивок головы, и его бойцы добились скулящих защитников веры, так же деловито и равнодушно, как если бы втыкали свои мечи в мешки с песком на учебном плацу.

Цезарь услышал шум и предсмертные хрипы за спиной, но даже не обернулся. Привыкнуть к смерти оказалось не так уж сложно. В душе не возникло ни капли жалости, ни попытки оправдать себя – «мол они это заслужили», наоборот, какая-то равнодушная отстраненность. Он поступил так, как должен был поступить, и судьба этих людей его уже не интересовала. Сейчас его тревожил только один вопрос, и мозг лихорадочно пытался связать концы с концами: «Где Зара? Варсаний забрал конюха, как свидетеля преступления, чтобы в дальнейшем использовать его против меня. Это понятно. Зара могла узнать об этом. И чтобы она тогда сделала? Попыталась вытащить или убить парня, как обещала. Значит, она пошла по следу, и раз не вернулась, то выходит попала в ловушку Сцинариона».

Хотелось основательно все продумать и взвесить дальнейшие шаги, но взгляд подошедшего Велия напомнил – времени нет.

Иоанн взглянул прямо в глаза своему бывшему телохранителю.

– Что думаешь, Лука?

Тот понял вопрос правильно и с сомнением покачал головой.

– Думаю, провернуть тоже самое с Варсанием нам вряд ли удастся. У него своя охрана. Не меньше полусотни преданных ему лично бойцов. А у нас... – Лука обвел взглядом два десятка легионеров. Надо все обдумать и подготовиться как следует.

Здравый смысл в словах комита был очевиден, но все-равно, Иоанн знал, что тот неправ. Что-то подсказывало ему – эта ночь решает все, и не только он играет ва-банк. Повторив про себя, – «Ни в коем случае нельзя упускать инициативу, потерянное время не вернуть», – цезарь нашел взглядом стоящего в ожидании Понция, и у него созрело окончательное решение.

– Лука, – он вновь вернул свое внимание Велию, – тебе уже пора догонять свой отряд. Мы здесь справимся без тебя.

Жестом остановив попытку возразить, Иоанн отрезал:

– Это не обсуждается, – и помолчав, добавил, чуть смягчив тон. – Общий план штурма не должен пострадать ни в коем случае.

В том свете, в каком он видел дальнейшее развитие событий, Лука ему только мешал. Тот попросту не даст воплотить задуманное, и никакие грозные окрики не помогут. Какой бы титул не носил сейчас Лука Велий, все равно он был и остается его телохранителем и другом. Черту, за которой риск для жизни цезаря превысит отмерянный им самим предел, тот не перейдет сам, и ему, Иоанну, не позволит, хоть чем ему грози. Вот центурион Понций, дело другое, тот раздумывать не будет, для него приказ императора превыше всего.

Обдумав все еще раз, Иоанн, понимая, сжал руку по-прежнему стоящему рядом Велию.

– Не волнуйся, мы справимся. – Он повернулся в сторону Понция. – Ведь так, центурион?

Тот лишь пожал плечами, он такими категориями не мерил. Есть приказ – легионер либо его выполняет, либо умирает. Других вариантов для него не существовало.

Лука Великий видел – цезарь что-то задумал, и возможно в другое время, он бы не оставил подобное без внимания, но сейчас, в условиях острейшего цейтнота, вдаваться в детали не было времени. Он внимательно посмотрел в глаза своему бывшему подопечному.

– Надеюсь, мой император, вы поступите разумно и вернетесь в расположение железных легионов? Поиском Зары мы займемся сразу же по окончании штурма.

Иоанн лишь молча кивнул – конечно. Он не привык врать, и произнести ложь вслух ему было намного труднее. Отвернувшись, цезарь постарался не смотреть другу в глаза – ложь есть ложь, какие бы цели ее не прикрывали.

Сомнения полностью не оставили Велия, но и зацепиться вроде бы было не за что. Вместо прощания он произнес: – уверен, утро будет для нас более счастливым —и, уже не оборачиваясь, направился в сторону реки.

Иоанн, проводив взглядом удаляющуюся спину, повернулся к центуриону.

– Слушай приказ, центурион Понций, – в голосе цезаря зазвучали стальные нотки, – сейчас ты оставишь своих бойцов здесь со мной, – он кивнул в сторону застывшей шеренги легионеров, – а сам вернешься в наш лагерь. По прибытии незамедлительно передашь заместителю Велия мое указание: «Первая когорта останавливает свое выдвижение на позицию и переходит в полное твое подчинение».

На мелькнувшее в глазах солдата недоумение цезарь стащил с пальца именной перстень и протянул его центуриону.

– В случае возникновения какого-либо недоверия покажи вот это.

Тяжелая печатка свернулась золотым кружком на огромной ладони Понция, и тот, посмотрев на блеснувшую бриллиантом букву «И», вновь поднял взгляд на Иоанна. «Что дальше?», – читалось в этом беззвучном вопросе, и цезарь, не задумываясь, продолжил.

– Не таясь, прямо по главной дороге, проведешь свою когорту через весь лагерь и выйдешь к нынешнему расположению имперской канцелярии. Если кто-нибудь поинтересуется, что железная когорта делает в расположении диких легионов или почему движется в противоположном общему направлению, то скажешь... – Иоанн задумался, но голова была забита совсем другими мыслями и ничего путного, как назло, не приходило. Через мгновение, он досадливо махнул рукой. – А, неважно, придумаешь что-нибудь по пути. Скорее всего, в этой суете, на вас вообще никто внимания не обратит.

Цезарь замолчал, представляя в уме картину всего ночного лагеря и той части с западного края, где остановился Варсаний Сцинарион. Просчитав еще раз варианты, он произнес так, словно решил сложную математическую задачу.

– Палатки Сцинариона стоят в расположении четвертого варварского легиона, а тот уже выдвигается на позицию. Так что, когда ты туда доберешься, там уже никого не будет. Окружишь шатры канцелярии со всех сторон так, чтобы мышь не просочилась и только после этого атакуешь. Всех, кто там окажется, согнать в центр и можешь не церемониться. Каждый, кто взял в руки меч – враг! Любое сопротивление – измена! Понятно?

Понций кивнул в знак понимания, но не двинулся с места, и цезарь недовольно нахмурил брови.

– В чем дело, центурион?

– Простите, мой император, за дерзость, но могу я узнать, где будете вы в это время?

Выдержав паузу и дав Понцию время в полной мере осознать всю тяжесть нарушения субординации, Иоанн все же ответил:

– Я вместе с твоими парнями буду ждать тебя в гостях у Варсания, поэтому советую тебе, центурион, поторопиться, поскольку гостеприимство Великого логофета может оказаться обжигающе нестерпимым.

По лицу Понция пробежала волна, отображая усиленную работу мысли, и цезарь уже было подумал, что зря отяготил иронией мозг доброго солдата, но ответ заставил его в этом усомниться.

Бросив взгляд на два десятка своих бойцов, центурион мрачно заметил:

– Не маловато ли подарков для такого неурочного похода в гости?

Слегка удивленный Иоанн мрачно заметил:

– Боюсь, если заявимся всей компанией сразу, то хозяин успеет припрятать то, что я ищу или еще хуже... – Он не договорил, не желая даже думать о возможности такого исхода.

Бесспорно, безопасней было бы то, на что намекал центурион. Дождаться подхода всей когорты и только после этого врываться в расположение Варсания, но что-то подсказывало Иоанну – к такому варианту логофет точно подготовился. Подход крупного соединения заметят издали, и Сцинарион либо организует сопротивление, либо исчезнет из лагеря, а Зару или перепрячут или убьют. Такой вариант Иоанну никак не подходил. Тот план, что родился в его голове, как только ему стало понятно кто вмешался в игру, стоял на трех «китах». Первое, вряд ли Варсанию нужна сама девушка, скорее ее хотят использовать как наживку. Второе, раз наживка заброшена, стало быть логофет ждет, что Иоанн на нее клонет. И наконец третье, по словам служителей, конюх в очень плохом состоянии и долго не протянет. Значит, у Варсаний нет времени на игры в долгую. А раз так, то надо дать ему то, чего он хочет.

Излучаемая уверенность Иоанна подействовали на центуриона, и тот, сжав ладонь с перстнем в кулак, произнес:

– Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Развернувшись, он шагнул к своим бойцам и прежде чем уйти, прошелся суровым взглядом по их лицам.

– Не дай вам бог... – В голосе центуриона зазвучала ледяная угроза. – Не дай вам бог подвести меня!

Вытянувшиеся во фронт легионеры тянули подбородки вверх, не рискуя опустить глаза на своего командира.

– Не дай бог... – Повторив для убедительности еще раз, Понций резко зашагал к выходу из расположения Трибунала.

Иоанн двинулся следом, но за воротами он и два десятка легионеров вслед за ним свернули в другую сторону.

Варсаний нервно забарабанил пальцами по столу – томительное ожидание нервировало. Было бы хорошо отвлечься, но сегодня ничего не помогало: ни работа, ни прогулки, ничего, и даже любимая игра не приносила удовлетворения. Мысли лихорадочно перескакивали с одной на другую: «Я сам собственной рукой поднял ставку на критическую высоту. Захватить девочку цезаря, значило бросить ему вызов, на который он обязан ответить, как бы он к ней не относился. Вопрос, зачем я это сделал? Можно обманывать других, но себя то глупо – для суда она интереса не представляет. От конюха еще могла бы быть польза, но к сожалению, он не протянет и пары дней. Тогда зачем? Зачем я держу эту девку здесь, в своем лагере, ведь в нынешней ситуации она несет лишь одни неприятности».

Вскочив, он заходил из угла в угол. Больше всего его раздражал тот факт, что может быть впервые в жизни, он поступил не обдуманно, а под влиянием эмоций.

«Как же, – он почти выкрикнул это вслух, – меня, такого мудрого и всевидящего, обидели, обыграли! Я, Варсаний Сцинарион, повел себя как сопливый юнец, как кролик загнавший себя в угол. Оставил без возможности маневра».

Остановившись, Варсаний взглянул на шахматную доску и, подойдя к столу, развернул ее черными к себе. – «Иоанн будет ее искать и обязательно узнает про меня, а скорее всего уже знает. Что он предпримет? Одно точно – тянуть не станет, ведь завтрашнее утро непред-

сказуемо и все может кардинально измениться. Сегодняшняя ночь – последний и поистине реальный шанс решить все одним ударом. Конечно же, он не устоит». – Он сделал ход черным слоном и, подняв взгляд, посмотрел на себя в зеркало.

«А что я?» – Словно бы извиняясь, он развел руками и, глядя на свое отражение, произнес вслух:

– У меня нет выбора – мне придется его убить, хотя это не принесет ни мне, ни Феодоре никаких дивидендов, а пойдет на пользу лишь Василию и его безумной сестрице.

Вновь развернув доску, Варсаний с удивлением увидел, что черные только что непростительно подставились.

– Ннн-да, – процедил он, не забывая кто играл за черных и передвинув белого ферзя, произнес. – Мат!

Рука непроизвольно потянулась и со стуком впечатала черного короля в клетчатую доску.

– Мат! – Повторив, Сцинарион прислушался и уловил едва различимые звуки снаружи. «Вот, кажется, и началось» – Пронеслось в голове, и словно подтверждая его мысль, чуть приоткрылся полог шатра, впуская первого секретаря канцелярии.

Вопросительный взгляд логофета метнулся к вошедшему и тот, застыв у входа, ответил спокойным, почтительным тоном.

– Да, мой господин, как вы и говорили, Иоанн с небольшим отрядом железных легионеров пытается прорваться в лагерь.

Кивок удовлетворения, и вопросительный взгляд вновь вцепился в лицо клерка. Не отводя глаз, секретарь произнес то, что от него ждали.

– Охрана действует строго по вашим указаниям. Оказывая минимальное сопротивление, заманивает цезаря в центр расположения.

– Хорошо. – Варсаний шагнул к выходу, на ходу поправляя стальную кирасу.

Чего-то такого он и ждал. Большой отряд имперских легионеров вряд ли сможет пройти незамеченным через расположение диких легионов, – рассуждал Сцинарион, – значит, Иоанн попытается с небольшой группой хороших бойцов обойти весь лагерь вокруг через горы. Обойти и внезапно ударить, предварительно отвлекая внимание какой-нибудь ложной опасностью.

Откинув полог, Варсаний остановился на пороге. Перед ним лежал уже набивший оскомину вид вытоптанной земли и выцветших на солнце палаток. Они окружали его шатер со всех сторон: палатки канцелярии, охраны и прочих служб, оставляя лишь в центре небольшое, словно вычерченное по циркулю свободное пространство. От этой площади до рогаток входа протянулась короткая, но прямая как струна улица. Глава имперской канцелярии во всем любил порядок и геометрическую точность.

Со своего места ему было хорошо видно, как небольшой отряд имперских легионеров, разбросав рогатки, пробил себе проход в лагерь. Прямо перед ними откатывался назад передовой десяток охранников и несколько из них уже осталось неподвижно лежать на песке.

Сцинарион разглядел в первом ряду цезаря и недовольно поморщился, он был готов к тому, что Иоанн попытается забрать свое, но такая бесхитрость противника огорчила.

«Мой юный друг, – мысленно обращаясь к Иоанну, съязвил он, – ну почему же так банально! Где какой-нибудь отвлекающий маневр, где изюминка? – Недовольное выражение лица, следуя за мыслью, сменилось на снисходительное. – Впрочем, по-юношески это, наверное, выглядит очень романтично и безумно красиво. Броситься на превосходящего врага с горсткой храбрецов в надежде на неожиданность и натиск. Увы, мой юный друг, увы! Я с таким нетерпением ждал вас, что боюсь сюрприза не получится».

Иоанн бежал в первой шеренге. Ширины между шатрами хватало лишь на пятерых. Два легионера справа, два слева, позади еще три линии. Выставленные вперед щиты, зажатые в ладонях рукояти мечей.

Впереди улица вытекала на открытое пространство. Там сжался в пружину откатившийся отряд охраны. Цезарь постарался выбросить лишние мысли из головы. Все, что от него зависело, он уже сделал, остальное в руках всемогущих богов, а ему остается только драться и не посрамить величие предков.

Расстояние стремительно уменьшалось, до столкновения оставались считанные мгновения. Заведенное адреналином сердце бешено бухало в груди, грозя разорвать грудную клетку. Открытый рот издавал какие-то вопли, но Иоанн не слышал даже собственного крика, он уже не принадлежал себе, он стал частью бегущей на смерть шеренги. Одной общностью с бойцами слева, справа, с теми, кто дышали в затылок. Единой массой топающей коваными сандалиями по утрамбованной земле.

Удар щит в щит раскатился громом по площади, и стража логофета, великолепная в индивидуальном бою, не смогла вовремя собраться в единый кулак. Преимущество железных легионеров сказалось и в этот раз. Один удар, один синхронный натиск и в шеренге охраны кто-то, пошатнувшись, сделал пол шага назад, но этого хватило. Надавили задние легионеры и, как прорвавшаяся в одном месте вода крушит всю плотину, так и солдаты империи мгновенно взломали строй охраны Сцинариона.

Как случилось, что в момент удара Иоанн оказался в последней шеренге, он не смог бы объяснить даже самому себе. Кто-то слегка придержал сзади, чуть оттерли плечом справа, и бегущие позади тут же протекли вперед. Всего лишь мгновение, он не успел даже возмутиться, как перед ним вместо оскала врага уже выросли широкие легионерские спины.

– Ариан вас заberi! – Зарычал от бешенства Иоанн и попытался вновь протиснуться вперед, но не тут то было, железная стена оказалась непробиваема.

Оставив попытки протолкнуться в первую шеренгу и подавив клокочущую ярость, цезарь смог, наконец, остановиться и трезво посмотреть на обстановку вокруг. Увиденное не порадовало. Развить прорыв не удалось. Подоспевший резерв помог противнику выровнять и удерживать строй, а вот его отряд, потеряв инерцию, завяз и полностью остановился. Хуже того, отовсюду на площадь начали вытекать новые телохранители Варсания, грозя полным окружением.

Первая мелькнувшая в голове Иоанна мысль была: «Вот дерьмо! Не удержимся теперь», но он не позволил страху взять верх. Последние месяцы не прошли для него даром, выработав рефлексивную способность бороться до самого конца. Вот и сейчас, за первым паническим всплеском пришла здоровая злость, и в голове калейдоскопом побежали цитаты и абзацы из всех когда-либо прочитанных им книг. Только сейчас к нему пришло настоящее осознание того, что здесь он единственный командир. Нет Велия, нет Понция и кроме него никто не примет решение. Здесь и сейчас, только от него зависит, умрут ли эти двадцать человек, умрет ли Зара, умрет ли он сам наконец.

Бегущие в голове мысли вылились в решение, и разинутый рот Иоанна выплеснул его в вопле.

– Каррре! – Заорал он, перекрывая шум боя. – В каре стройся!

Загремело вокруг железо, затопали сандалии, и легионеры с деловитой невозмутимостью перестроились в квадрат, готовые отразить атаку со всех сторон. Причем, Иоанн оказался в самом центре ошестинившегося построения, и слегка ошарашенный мгновенно произошедшей метаморфозой, успел лишь подумать: «Да, люди ли они вообще?!»

Варсаний, не раз видевший железные легионы в деле, не испытал тех чувств, что и цезарь, но мгновенный маневр противника заставил его поморщиться, напомнив – малой кровью не обойдется. В его охране состояло около ста элитных бойцов, отобранных со всей необъятной империи. Варгус Лианиди, комит схолы телохранителей, лично выбирал каждого, а этому чело-

веку Сциналион доверял безгранично. На жалование своим людям Варсаний никогда не скупился, памятуя старую истину – если не заплатишь ты, то среди твоих врагов всегда найдется желающий заплатить. Сегодня он имел возможность увидеть, что деньги были потрачены не зря. Его ребята выполнили все, что было задумано, вовремя отошли, сдержали удар и взяли врага в кольцо. Теперь они ждали лишь команды на уничтожение противника, но Великий логофет не стал торопиться. В наступившей тишине неожиданно прозвучал его голос.

– Мой юный друг, не пора ли вам признать свое поражение. – Фигура Сциналиона появилось в первых рядах телохранителей. – Сдавайтесь, и я вам обещаю, что вы доживете до честного суда Трибунала.

Иоанн, решив, что пустой разговор лучший способ потянуть время, ответил:

– Я тоже могу кое что пообещать тебе, Варсаний. Если ты сдашься и отдашь мне Зару целой и невредимой, то я не убью тебя, а просто выгоню как шелудивого пса.

Услышав отказ цезаря, Варсаний почувствовал некоторое облегчение, все-таки насчет суда он соврал, и теперь, хвала всевышнему, не придется брать грех на душу. Повернувшись, он нашел взглядом комита Лианиди и подтверждающе кивнул – начинай.

Глава 3

Задраившись в каре, имперские легионеры перешли к глухой обороне, а гвардейцы Варсания не очень-то торопились нападать. Варгус Лианиди посмотрел на линию щитов и мрачно подумал о том, что после этой свалки вновь придется набирать и учить много новых бойцов. Отвлечшись, он чуть было не пропустил сигнал Варсания, но увидев кивок логофета, тут же встряхнулся и, отогнав лишнее, проорал на всю площадь:

– Пошли! Навались разом!

По сигналу командира телохранители Сцинариона двинулись в атаку. Плотные ряды тяжелой пехоты ударили одновременно с четырех сторон, и сжавшийся отряд легионеров словно бы еще ужался под перекрестным давлением. Ужался, но устоял.

Подобная теснота была не в новинку имперским солдатам, натасканным на бой с численно превосходящим противником, а вот элитные бойцы Варсания в этой скованности почувствовали себя неуютно. Здесь не было места для индивидуального мастерства, в такой драке все решала синхронность, расчетливость и стойкость. Когда противник вплотную, и нет пространства для маневра, то в такой толчее легионер как рыба в воде. Все как учили, и все так, как было уже проделано тысячи раз прежде. Ударил щитом, приоткрылся, коротко ткнул мечом, и тут же вновь в глухую оборону. Выдохнул, и все по новой. Приоткрылся! Ударил! В защиту!

В такой мясорубке равных железным легионерам не было во всем мире, но и телохранители Варсания были не дети. Первая неудача их не обескуражила, а подсказала, что нужно менять тактику. Под зычный рев своего комита, рыча и ругаясь от бешенства, они отступили оставив на песке пятерых мертвых товарищей.

Осознав свою ошибку, Лианиди выкрикнул десятникам вывести из рядов раненых и разрядить шеренги. Следом последовал приказ принести копья. Дождавшись, когда рядом с каждым меченосцем встанет воин с длинным копьём, он зло оскалился в сторону сжавшегося врага.

– Посмотрим, что на это скажут хваленые железные легионы!

Когда пошла первая атака, Иоанну на миг показалось, что сейчас его раздавят спины своих же собственных солдат, но сжимающееся каре, словно почувствовав предел, вдруг остановилось. Сдавленный со всех сторон, он не видел, что происходит, лишь слышал грохот щитов, лязг железа и яростный рев сотни озверевших людей. Рука по-прежнему стискивала рукоять меча, взгляд метался из стороны в сторону, но в этой схватке он был лишним. От него уже ничего не зависело и ничего не требовалось, всем руководил десятник первой манипулы, оставленный Понцием за старшего.

Несколько мгновений жуткой какофонии и натянутых до предела нервов, и вот, душащее железное кольцо вдруг начало разжиматься. Натиск атакующих ослаб, и каре легионеров, словно надутый мяч после удара, вновь вернулось в исходную форму.

В появившийся просвет Иоанн разглядел отходящего противника и смог наконец облегченно выдохнуть. «Кажется, Варсаний стянул на нас все резервы, – подумал он в этот момент, – значит шансы Понция подойти незаметно, сейчас высоки как никогда».

Успокоительная мысль не успела появиться, как тут же исчезла. Центуриона пока что было не видно, а вот от перестроений охраны повеяло чем-то весьма опасным. Мрачные, заострившиеся лица легионеров тоже говорили о том, что дело начинает принимать совсем скверный оборот.

Вопросительный взгляд Иоанна метнулся в сторону десятника – что происходит, но тому было не до него, телохранители Варсания вновь пошли в атаку. Теперь их первая шеренга

надвигалась неплотным строем, и в разрывах между щитоносцами торчали длинные копья второй линии. Они не бежали, не старались как в прошлый раз взять нахрапом, а двигались не торопясь и обстоятельно. Не было рева атаки, не прозвучало грохота столкнувшихся щитов, лишь хлестко зазвенела сталь. Имея численный перевес и возможность маневра, бойцы логофета вынуждали легионеров открываться, подставляясь под удары копейщиков. Они не лезли вплотную, держа линию каре на расстоянии выпада и имея возможность уклониться от коротких мечей легионеров, тогда как тех в эти моменты находили наконечники длинных копий. Эти, по большей части, не смертельные раны, убивали скорее психологически. Невозможность защититься и неуязвимость противника точили несгибаемый боевой дух как короеды могучее дерево. Безнадежность разлагающе проникала в мозг имперских солдат, а вытекающая кровь, капля за каплей, уносила их силы.

Положение обороняющихся становилось все хуже и хуже, и даже такой далекий от войны человек как цезарь проникся пониманием, что время идет на минуты. Прямо перед ним, пошатнувшись, упал на колено легионер, и Иоанн инстинктивно шагнул вперед, закрывая собой обессилившего бойца. Тут уже стало не до переживаний. Меч в его руке принял на себя летящий сверху клинок. Отбил и тут же метнулся вниз, закрываясь от наконечника копья.

Аааа! Услышал Иоанн свой собственный рык и рубанул куда-то наотмашь. Тук, тук! Глухо ударило железо в дубовые доски. Это поднявшийся легионер успел прикрыть его щитом. Страх не было, адреналин уже тек по венам вместо крови. Сознание уступило рефлексам зверя. Движение справа – выпад! Чей-то рев боли и удовлетворение – попал!

Слева и справа сомкнулись щиты легионеров, прикрывая цезаря, но каре уже перестало быть идеально стройным. Только что ровный квадрат теперь больше походил на сбившуюся бесформенную кучу. Стальные наконечники копий мелькали словно разящие молнии, и с каждым попаданием восторженный рев оглашал залитую кровью площадь.

Копье чиркнуло по руке, нарисовав красную набухающую полосу, но Иоанн даже не почувствовал боли. В каком-то остервенении он махал мечом, не обращая внимание на царящую вокруг него смерть. Уже давно никто не прикрывал его, и оставшиеся на ногах легионеры едва успевали защищать самих себя. Отбив очередной удар, Иоанн взмахнул мечом и вдруг так и замер. Стальной наконечник угодил точно между пластинами панциря и ожег парализующей болью. В одно мгновение пропал боевой порыв и небывалая сила, а остался лишь разливающийся по жилам ледяной холод.

– Неужели я умер, – беззвучно прошептали губы, и он удивленно уставился на торчащее из груди копьё.

Полная победа была всего лишь в крохотном шаге, и телохранители Варсания настолько увлеклись, что заметили изменение обстановки только когда было уже слишком поздно. Четыре колонны легионеров прошли между палатками и ударили им в спину так неожиданно, что смяли их занятую избиением линию в считанные мгновения.

Понций вырвался на площадь первым. Рыча и круша без разбора всех, кто пытался встать у него на пути, он двинулся напрямую к Иоанну, а идущая за ним колонна железным жалом вспорола не готовые к такому обороту порядки противника. В это время три других отряда первой когорты, растекаясь по кругу, окружали ошеломленных стражников.

Все случилось настолько стремительно, что Варсаний даже не сразу понял что произошло.

«Откуда появился такой большой отряд? Как он смог пройти сквозь заставы четвертого легиона? Измена! Наврус перекупил варваров?! – Мысли лихорадочно роились в голове логофета, не находя ответов. Ошеломленный взгляд метнулся поверх шлемов к вспыхнувшей точками факелов крепостной стене Ура, и царедворец чуть не застонал от осознания своей ошибки.

– Как я мог упустить такую очевидную вещь?! – Прошипев, Варсаний аж скрипнул зубами. – С рассветом же штурм! Войска выдвигаются на позиции, и пока армия в движении, никто ничего не контролирует. В таком бардаке хоть гвардия Хозроя появишься, не заметят.

Дальше сетовать на свою опрометчивость ему не позволила сжимающееся вокруг кольцо. В живых оставалось не более двух-трех десятков бойцов охраны, сбившихся вокруг него как стадо баранов.

Взгляд Варсания нашел в толпе Иоанна. Какой-то человек в форме имперского центуриона бинтовал ему грудь, но в целом тот выглядел неплохо и вполне живым.

«Этот мальчишка опять меня провел. – Подумал Сцинарион, проникаясь замыслом своего противника. – Он рисковал жизнью, чтобы я не успел вывезти или убить девчонку. Убить еще есть время, но сбежать отсюда уже нет. – Логофет бросил взгляд на сомкнувшееся вокруг кольцо легионеров. – Пожалуй, эта девушка мой последний шанс поторговаться за жизнь».

Смирившись с поражением, он будучи человеком до крайности рациональным, мысленно уже смотрел в завтрашний день: «Да, удивил, мальчишка. Поставил на карту все ради женщины. Азартен. Надо будет в будущем учитывать эту его склонность к авантюризму. – Тут Варсаний печально вздохнул. – Если оно еще будет у меня это будущее».

К этому времени легионеры Понция прижали остатки охраны к шатру главы канцелярии. Оставалось только добить, но зычный рык центуриона остановил бойцов на замахе. Быстро перестроившись, легионеры взяли сбившихся в кучу телохранителей в плотное кольцо.

Свисток центуриона просвистел три коротких – дорогу командиру, и когорта расступилась, пропуская императора. Прихрамывая и зажимая перевязанную грудь, Иоанн вышел вперед. Его голос прозвучал негромко, но твердо.

– Варсаний, помнишь я обещал не убивать тебя?

Из сжавшейся толпы, прикрывающей своего господина, донеслось лишь тяжелое дыхание десятков людей, и Иоанн, не ждавший ответа, продолжил:

– Так вот, сейчас это зависит от тебя. Либо твои люди немедленно складывают оружие, и ты сдаешься на мой суд и милосердие, либо я отдаю приказ, и тогда легкая смерть будет для тебя самой большой наградой.

Варсаний задумался: «А какие собственно у меня варианты? – Он всмотрелся в лица своих телохранителей. — Люди сломлены и деморализованы. Пробриться сквозь строй легионеров с такими бойцами шансов мало, да и где гарантии, что я выйду из такой мясорубки живым. Нет, надо соглашаться. Честность Иоанна сомнений не вызывает, если сказал – не убьет, то не убьет, по крайней мере сразу».

Оставаясь за спинами своих бойцов, Сцинарион выкрикнул прямо из толпы.

– Я согласен, мы сдаемся! – Для собственного успокоения, он тут же добавил. – Ты же знаешь, что твой дворовый не жилец, и я тут не причем.

Иоанн кивнул, а Варсаний повысил голос, обращаясь к своим телохранителям.

– Всем сложить оружие. Мы сдаемся на милость... – Он замялся чуть было не сказав цезаря Иоанна, но тут же решив, что дразнить гусей в его ситуации совершенно лишнее и произнес: – Императора Иоанна Корвина.

С глухим стуком оружие посыпалось на песок, и Иоанн, не дожидаясь полного разоружения, шагнул вперед. Охрана логофета, потупив взгляды, расступилась, давая дорогу победителю, и он, воспринимая это как должное, прошел прямо к Сцинариону. Его глаза впелись в лицо царедворца.

– Где она?

Выдержав взгляд, Варсаний мотнул головой в сторону шатра, успев подумать: «Мальчик изменился за последнее время, и не в лучшую сторону. Хвала небесам, что у меня хватило мудрости не убивать девчонку».

Расценив все правильно и не дожидаясь приказа, Понций махнул рукой, и два легионера рванулись к шатру Великого логофета империи. В душе Иоанну до жути хотелось броситься туда самому и ему стоило большого труда сдержаться. Еще труднее дались мгновения, прошедшие с момента, как воины скрылись за пологом палатки и появились обратно. Только увидев Зару живой, хоть и с заплывшим от огромного синяка лицом, он смог выдохнуть с облегчением! Теперь он мог признаться самому себе, что до самого последнего момента его мучил страх опоздать. Не успеть, не спасти и увидеть ее мертвой, истерзанной и замученной. Но хвала Огнерожденному она жива!

Девушка в сопровождении легионеров подошла вплотную и склонила голову в приветствии.

– Да пребудет с тобой милость богов, император Иоанн.

Цезарь молча поднял подбородок Зары и, посмотрев на разбитое сине-желтое лицо, бросил гневный взгляд на Варсания. Тот, словно защищаясь, поднял ладони.

– Это не я! Ее не пытали и не били. Все, что ты видишь, лишь последствия захвата. – Спohватившись, что ситуация давно поменялась и сейчас он уже не всемогущий логофет империи, который может говорить свысока и тыкать цезарю захудалой провинции, Варсаний быстро поправился. – Вам, мой господин, ведь как никому известно насколько эта женщина может быть опасна. При задержании она тяжело ранила двух моих лучших охранников.

В глазах Иоанна вспыхнула настоящая ярость.

– Заткнись, Варсаний, или я нарушу свое обещание!

Сцинарион мгновенно умолк, уловив, что это не просто слова и в эту минуту смерть действительно близка как никогда в жизни. Поежившись, он смиренно опустил голову, но его внимательный взгляд исподтишка, перебегая с лица девушки на цезаря и обратно, все же смог разглядеть то, что эти двое тщательно пытались скрыть. «Вот как! – Мысленно воскликнул Варсаний. – Как я не догадался! Они любовники, и наш юный друг похоже влюблен ни на шутку. Жаль, что я не догадался раньше, а то был бы куда более осторожен».

Глядя на Зару, Иоанн испытывал целую гамму самых разнообразных чувств: нежность, жалость, закипающую ярость и огромное желание сжать в объятиях эту миниатюрную, но такую сильную женщину. Ему очень хотелось, но он не позволил себе поддаться эмоциям. Сотни глаз смотрели на него в этот момент и видели в нем императора. Победителя, любимца богов, который приведет их к порогу славы и богатству. Показать им, что он всего лишь человек, такой же как они, с такими же страстями и слабостями, значит обрушить тот образ, что с таким трудом создавался им за последние недели. Цезарь отвел взгляд, и Зара, поняв что сейчас с ним твориться, сделала шаг в сторону. Огромные ладони Понция накрыли ее плечи солдатским плащом и повели в глубь строя. Уже проходя мимо Иоанна, она, словно оступившись, качнулась в его сторону, и слуха цезаря достиг еле уловимый шепот:

– Я знала, что ты придешь за мной!

На долю мгновения улыбка тронула губы Иоанна и вновь пропала. Его взгляд застыл на лице Сцинариона.

– Я обещал не убивать тебя, Варсаний. – Глаза цезаря вспыхнули ледяным холодом и у Великого логофета сильно поубавилось уверенности в том, что тот сдержит слово.

Короткая пауза и слова Иоанна заставили Сцинариона запаниковать.

– У меня нет сомнения – ты, Варсаний, тот враг, которого нельзя оставлять в живых. Змея, которая рано или поздно ужалит, если ее не растоптать. Я все это знаю, и, возможно, в будущем пожалею о содеянном, но слово императора, есть слово императора...

Варсаний облегченно выдохнул, подумав: «Хорошо, что сейчас передо мной лишь племянник, а не его безвременно почивший дядя».

Уловив этот вздох облегчения, Иоанн сурово нахмурил брови.

– Не радуйся раньше времени, я не прощаю тебя. Ты сам встал на путь измены, и за это я приговариваю тебя к смертной казни... – Побелевшее как мел лицо логофета вызвало у цезаря злорадное удовлетворение. – Но не сегодня. У тебя есть время до рассвета. Беги! Как только взойдет солнце, приговор вступит в силу, и ты окажешься вне закона. С восходом каждый подданный империи будет обязан убить тебя в любом месте и в любое время. Беги, Варсаний, я держу свое слово и даю тебе шанс спастись.

Еще раз поблагодарив Огнерожденного, Сцинарион смиренно опустил глаза и покорно произнес:

– Милость твоя безгранична, мой господин.

Не отвечая, Иоанн повернулся к Понцию.

– Все, уходим! В лагерь возвращаться не будем, нет времени. Думаю, первый легион уже на позиции, так что выдвигаемся прямо туда.

Отчеканив «слушаюсь, мой император», центурион бросил взгляд на бывших охранников логофета.

– А с этими что делать?

Глянув на сбившихся в кучу людей, Иоанн произнес почти равнодушно.

– Поставишь в первую линию штурмующих. Тех, кто взойдет на стену, прошу.

Глава 4

Вал шириною в четыре стоящих в ряд воина начинался от самого берега реки и, поднимаясь под острым углом, устремлялся к зубцам городских укреплений. Последние десять шагов у самой стены не были закончены, и там вал был достроен лишь наполовину в высоту. Это не было случайностью или глупостью. Начать штурм, когда работы еще не завершены до конца, было частью плана. Подспудно горожане ждали атаки только после полного окончания насыпи, и неожиданное начало порождало вопросы и непонимание, а вместе с ночной тревогой сеяло нервозность и страх. Наврус считал, что в таком деле мелочей не бывает. «Пусть горцы потомятся всю ночь на стенах в ожидании и напряжении, – убеждал он Иоанна, – чем напуганней и утомленней они будут к утру, тем быстрее сломаются под нашим натиском. А то, что придется ставить лестницы, так четыре локтя не двадцать – заберутся ребята».

У самого основания насыпи выстроилась первая когорта первого железного легиона. Понций, стоя на левом фланге, как и положено центуриону, мрачно смотрел на исчезающий в темноте вал. Его бойцам предстояло пробежать по гребню, спуститься вниз на недоделанный участок и оттуда взобраться на стены. Все это надо сделать под плотным обстрелом, максимально быстро и желательно с первой попытки. Потому что как подсказывал ветерану его жизненный опыт, каждая последующая будет даваться все труднее и труднее.

Он прошел вдоль строя, придирчиво осмотрев каждого легионера, и несмотря на то, что все они уже набегались этой ночью, делать поблажек центурион никому не собирался. Вспомнив в нелестных словах родственников всех провинившихся легионеров и пообещав им нелегкую жизнь, Понций так завел свою когорту, что всем остро захотелось поскорее в бой, лишь бы избавиться от грозного рыка своего командира. Особенно досталось авангардной группе с короткими штурмовыми лестницами, этих центурион раздраконил так, что они готовы были сорваться с места даже без приказа.

Здесь же недалеко сосредоточился и весь штаб армии. Наврус со своими трибунами и секретарями отдельно. Василий с сестрой и его командующий Гай Норий Максимилиан отдельно. Каждый руководил своими частями, или во всяком случае так им казалось. На деле же центурионы вывели свои соединения на позиции и доложили своим легатам. Те в свою очередь отправили дукенариев в ставку, и теперь все ждали общего сигнала к штурму.

Наврус бросил взгляд на сереющее над горами небо. Он никаких иллюзий не питал и прекрасно представлял – как только прозвучит приказ о начале атаки, от него мало что будет зависеть. События потекут по известному только Огнерожденному сценарию, и все те замыслы, что выглядят сейчас так стройно и убедительно, посыпятся в мусорную корзину. Все будет зависеть от стечения обстоятельств и того, что в народе называют везением. Поэтому, попросив в очередной раз у небес удачи, Фесалиец посмотрел на Гая Нория.

– Думаю, пора.

Легат переглянулся с Василием и, получив от того подтверждающий кивок, согласился.

– Начинаем.

Тут же надрывно завывли трубы, и от ставки к легионам побежали вестовые. Несколько мгновений общей суеты и, наконец, загрохотав железом, авангардные когорты двинулись на штурм.

Всю ночь с того самого момента, как в лагере противника прозвучал сигнал к построению, командующий гарнизоном Ура иларх Ван Сид простоял на главной башне города. С тревогой смотря на движущиеся колонны, на яркие точки пылающих факелов, он не переставал

терзать себя вопросами. «Какого черта? Почему сегодня? Почему ночью? Вал еще не достроен, что они затеяли?»

Несмотря на то, что набат уже давно поднял весь город, и стены оцетинились копьями защитников, ему было неспокойно. Грызло воспоминание о прошлом штурме, о том, что только чудо помогло им тогда. «А сейчас? – Спрашивал иларх самого себя. – Что они задумали на этот раз? Повезет ли нам сегодня так же, как и тогда, или мы уже исчерпали запас удачи?»

Не один Ван Сид нервно ходил на башне, в эту ночь вообще не было ни одного человека в городе способного спать спокойно. Предчувствие беды нависло над Уром, как черные крылья огромной птицы.

Сколько бы горожане ни ждали, сколько бы ни готовились, но в тот момент, когда заревели вражеские трубы, каждый защитник на стенах непроизвольно вздрогнул и над городом надрывно прогремело.

– Началось! Имперцы пошли на штурм!

Ван Сид резко обернулся на нервный вопль и взглядом заставил умолкнуть орущего горожанина. В наступившей тишине он как можно спокойней скомандовал.

– Зря не высовываться и под стрелы не подставляться! Лучникам бить только наверняка!

Выглянув из-за зубца, он увидел растянувшиеся цепи стрелков, за ними штурмовые колонны с лестницами и еще дальше плотные когорты второй линии.

– Кажется, взялись серьезно. – Процедил Ван Сид еле слышно, но стоящий за его спиной глава городского совета все же услышал и напрягся.

– Думаешь, не устоим? – Сол Абани впился взглядом в командующего, и тот, глянув на белое от страха жирное лицо, пожал плечами.

– На все воля Огнерожденного.

Словно подтверждая его слова, зацокали по каменной кладке наконечники стрел, и первая жертва этой стрельбы, заорав, схватилась за торчащее из груди оперение вражеской стрелы. Глядя на то, как оттаскивают от бойницы раненого, Ван Сид сморщился, словно отхватил пол лимона, и сплюнул.

– Понеслось!

Он знал, это всего лишь начало. Сейчас имперцы охватят весь периметр, чтобы растянуть силы защитников, а потом нанесут свой главный удар. Где? Это совсем не тайна. Два моста на восточной стене и насыпанный вал на северной. Там будет жарче всего и там надо держать резервы до последнего.

В это время легионы перешли ров в насыпанных раньше местах и, растягиваясь вдоль стен, пошли на приступ. Пошли, как и ожидал иларх, без особого энтузиазма, больше демонстрируя действие, чем реально собираясь отчаянно штурмовать каменную твердыню.

Перейдя быстрым шагом на другую сторону башни, Ван Сид посмотрел вниз. На эту стену выходил насыпанный императорской армией вал, поэтому здесь на парашете стены было тесно. Кроме прижавшихся к бойницам лучников, в широком проходе стоял еще отборный отряд тяжелой пехоты, предназначенный для отражения возможного прорыва. Взгляд иларха прошелся по напряженным лицам воинов и скользнул вниз на улицы города. Там, под самой стеной, стоял собранный им резерв. Эти люди не видели, что происходит с другой стороны и, нервно прислушиваясь к доносящимся звукам, томились от ожидания и любопытства. Увидев иларха на башне, воины, задрвав головы, вперились вверх вопросительными взглядами, и Ван Сид, желая их подбодрить, проорал:

– Приготовились! Сейчас попрут!

И точно, вновь завывла труба, и в предрассветной дымке иларх увидел, как бросилась вверх по насыпи первая линия врага. По одному этому рывку уже была видна разница и не возникло ни малейших сомнений, вот эти ребята настроены по-настоящему.

Закрывшись щитами, передовая манипула легионеров, добежав до недостроенного участка, вдруг разошлась и пропустила вперед прикрываемую до этого штурмовую группу. Восемь бойцов стремительно прыгая по камням, спустились вниз и, добежав до стены, приставили лестницы. Защитники попытались их оттолкнуть, но те заканчивались на пол локтя ниже края стены и, чтобы достать до них нужно было высунуться по поясу. Первые же, кто рискнул это сделать, получили не по одной стреле и с воплями укрывшись обратно за зубцами.

Все происходило так стремительно, что обескураживало. Края лестниц еще не коснулись каменной кладки как по ним уже пошли первые легионеры. Широкие ступени позволяли идти не глядя и не держась руками, так что четыре имперских бойца появились на гребне стены практически одновременно. Закрывшись щитами, они действовали так, словно не штурмовали город, а атаковали противника в обычных полевых условиях.

Из первой четверки трое сорвались вниз, но один все же спрыгнул на парапет, и тут же над зубцами выросла следующая четверка.

Ван Сид, сжав кулаки, смотрел как на завоеванном плацдарме растет количество легионеров. Один, два, четыре... Его бойцы отчаянно наседали на имперцев, пытаясь сбросить тех со стены, но ничего не получалось. Группа легионеров только росла, набирая силы для контратаки. Там нужна была помощь, и он решился.

– Поднимайте резерв. – Бросил иларх своему помощнику, но в этот момент хлопнула входная дверь, и на верхнюю площадку башни вылетел запыхавшийся гонец. Косясь на членов городского совета, он подскочил к Ван Сиду и яростно зашептал тому на ухо.

– На южной стене прорыв! Сарды в панике бегут в центр города.

Ничего не понимающий иларх метнул бешеный взгляд в сторону командира сардийской конницы.

– В чем дело, Сад Девлет? Где твои люди?

Не сразу включившийся сардиец возмущенно фыркнул.

– Что за претензии, мои всадники на месте. – На всякий случай, он подошел к краю башни и глянул вниз на привратную площадь. – Ну вот, как я и говорил.

Ван Сид недоверчиво подошел к краю и посмотрел тоже. Там внизу сардийские гвардейцы в полном составе нетерпеливо ждали приказа. Командующий обороной города устало прикрыл глаза – «Кто же тогда сейчас там, на улицах города?»

Велий посмотрел вверх на пропадающий в темноте скальный обрыв и подумал: «У тех, кто считает эту скалу неприступной, есть серьезные основания так думать».

На первый взгляд, забраться наверх по этой отвесной крутизне могло прийти в голову только безумцу, и Лука сам бы так сказал, если бы не одно но. Этим «но» были два брата из третьей когорты первого легиона. Сама идея пришла ему в голову неделю назад, когда он в сопровождении небольшого отряда отправился в горы для проверки и смены засадных постов. Где-то посредине пути, во время привала, когда легионеры толпились у ручья, а он сам, задрав голову, рассматривал нависающие скалы, Лука увидел на вершине яблоню. Обвешанное ярко-красными плодами, это дерево красовалось в царстве абсолютного камня, как имперская принцесса посреди варваров. Зрелище было настолько чудное, что он повернулся к центуриону.

– Смотри как, Евсаний, диво какое.

Тот повернул голову и прорычал.

– Запорю мерзавца!

Удивленный Лука понял в чем дело, только вновь взглянув на дерево. Яблоня стояла на вершине абсолютно отвесной скалы, и как бы не была притягательна на вид, рисковать жизнью ради яблок решился бы только полный отморозок. Как ни странно, такой нашелся. Молодой парень в форме легионера лез по совершенно гладкой каменной стене с легкостью ящерицы.

Остальные его товарищи, оторвавшись от водопооя, начали подбадривать того громкими криками.

Прищурившись на солнце, Велий проследил, как парень вскарабкался на вершину, набил полную пазуху яблок и так же ловко спустился обратно. Центурион хотел было выписать хулигану плетей, но Велий не позволил. Ему понравилось, что боец не пожадничал, а, оставив себе только одно яблоко, остальные раздал товарищам. Остановив Евсания, он лишь спросил – кто это?

Центурион только рукой махнул.

– Да, это братья Поламидис из северной Фесалии. Выросли в рыбацкой деревушке у самого моря, с самого детства приучены за птичьими яйцами по скалам лазить. – Лицо Евсания изобразило подобие улыбки. – Я сам видел. Заберутся на верхотуру, наберут яиц и спускают на веревке в корзине. Птицы орут...

Остановившись на фразе «спускают веревку», дальше Велий уже не слушал. В его голове в тот момент уже рождался план взятия южной стены Ура.

Усмехнувшись своим воспоминаниям, Лука перевел взгляд на братьев Поламидис.

– Ну что, готовы?

Юр и Фран Поламидис расплылись в широкой улыбке.

– Готовы, господин легат. – Они почти одновременно похлопали по поясу, обвязанному тонкой веревкой.

Лука одобряюще кивнул. Тонкая веревка – это проводник, его будут травить снизу, пока ребята лезут на стену, а если все пройдет хорошо, то потом к нему привяжут толстый канат, и братья вытащат его наверх. По этому канату и ползет весь остальной отряд. «Такой план, – подумал Велий, – а как получится на деле, знает лишь Огнерожденный Митра».

Караул на стене делал обход каждые четверть часа, поэтому выждав когда над зубцами стены промелькнули шлемы стражников, Лука махнул рукой – пора. Но прежде чем парни скользнули к скале, он успел шепнуть обоим:

– Стратилат армии обещал каждому из вас по пять золотых динаров, если справитесь.

В глазах молодых ребят вспыхнул радостный огонек, и Велий подумал, что если эти двое и не доживут до завтрашнего утра, то хотя бы этой ночью почувствуют себя богачами.

Братья пропали в темноте, и только разматывающиеся кольца веревки говорили, что пока с ними все в порядке. Вот проводник перестал скользить вверх и замер. Держащий его легионер замер за ним вслед, и несколько мгновений прошли в тревожном ожидании. Затем веревка дернулась три раза, что означало «мы на месте, начинайте». Лука быстро привязал канат и дернул один раз в ответ – тащите. Конец каната с проводником ушел в темноту, и направляющий его боец, дождавшись трех сигнальных рывков, взглянул на Велия – готово. Не теряя времени, Лука попробовал канат на прочность и, убедившись в надежности конструкции, пополз вверх первым.

Подтягиваясь на руках и цепляясь ногами, он поднимался фут за футом думая, что пока все идет на удивление хорошо. Бесшумно перевалившись через зубцы, Лука попытался унять грохочущие в груди удары, они мешали слушать. В предутренней тишине стук собственного сердца заглушал все, но отдышавшись, он уловил тот звук, что и ожидал услышать. Оставив братьев поднимать остальных, Лука скользнул вдоль бойниц в ту сторону откуда вот-вот должен был появиться караул. Бесшумно двигаясь навстречу, он уже отчетливо слышал топот сапог – в отличие от него стража не таилась. Двое – разделил он шаги и, остановившись, прижался к стене.

Вымазанное сажей лицо, серые в цвет камня туника и штаны. Даже в предрассветной прозрачности часовые заметили Велия только когда до него оставалось не более двух шагов. Эта беспечность дорого им обошлась. Лука стремительно шагнул вперед, и первый стражник смог только испуганно открыть рот, как выверенный удар пробил ему грудную клетку. Второй

успел рвануть саблю из ножен, но безжизненное тело товарища повалилось прямо на него, не давая размахнуться. Он сделал шаг в сторону и тут же вскрикнул, напорвшись на выставленный нож. Хватающий воздух рот попытался крикнуть, но зажавшая его жесткая ладонь не позволила издать ни звука.

Аккуратно уложив на плиты мертвые тела, Лука вернулся к своим, там дело тоже двигалось споро. Первый десяток был уже наверху.

– Переодеваемся. – Приказал Велий, не став ждать пока поднимутся все. Развязав мешок с одеждой, он вытащил сардийскую безрукавку и натянул на себя, прямо поверх туники. Остальные тут же последовали его примеру.

Последние еще поднимались, а Лука уже ступил на мостовую города. Разбросав жестами своих бойцов по ближайшим улицам, он стал ждать информации и подхода всей группы.

В этой части города было тихо и абсолютно безлюдно. Весь город был там, откуда шел запах гари и усиленный эхом звон стали. Велий прислушался, но разобрать по звуку, что там происходит было невозможно. Он усмехнулся – что ж, остается надеяться только на дьявольскую удачливость Навруса.

Лука вспомнил Фесалийца, потому что буквально перед самым штурмом тот изменил план. Теперь, диверсионный отряд должен был продвигаться не к главным воротам, а к северным. На удивленную ремарку Велия – туда же раза в полтора дальше, Наврус глубокомысленно ответил – короче, не значит быстрее. У главных ворот, возможно, будет слишком много народу. Тогда, Лука с раздражением подумал, что это очередная блажь Фесалийца, но за ночь у него было время подумать и согласиться. Площадь у главных ворот, слишком удобна для накопления резерва и скорее всего там действительно сейчас не протолкнуться.

Группа собралась в полном составе почти одновременно с возвращением разведки. Ближайшие улицы были пусты, кордонов и патрулей никто не встретил. Выслушав доклады, Велий огляделся. Солнце еще не появилось, но ночь уже отступила. Дальше ждать было опасно, и он указал направление.

– Идем к северным воротам. Держаться вплотную, не растягиваться и не звука. Если что, говорю только я! Всем остальным рта не открывать!

Глава 5

Солнце еще не показалось над вершинами гор, но утренний свет уже разлился над долиной Ура. Теперь глобальность катастрофы, нависшей над городом, предстала во всем своем ужасе. Тысячи и тысячи собранных вокруг Ура людей накатывались волна за волной на каменные стены, усыпая подступы своими трупами.

Наблюдая за развалившимся в кресле стратилатом, Иоанн заметил, как тому не удается скрыть растущую нервозность. Маленькие пухлые пальчики, не переставая, стучали по столешнице, а нога, облаченная в расшитую туфлю, раскачивалась как маятник.

Сделав пару шагов, цезарь склонился к уху стратилата.

– Нервничаешь?

Тот поднял взгляд и растянул губы в улыбке.

– Нет, что вы, мой император. Все идет по плану. – Вопреки сказанному, Наврус поднялся и повернувшись так, чтобы со стороны Василия и Зои была видна только его спина, прошептал:

– Велий уже должен подходить к северным воротам, и меня сильно заботит тот факт, что город там штурмует четвертый варварский легион. Не доверяю я, знаете ли, этим гавелинам. Вы посмотрите, что они там творят. Ползают как беременные тараканы! Я прямо извелся, думая кого бы туда послать, чтобы пришпорить варваров.

Слушая Фесалийца, Иоанн хранил на лице полную безмятежность, не давая смотрящей на него Зое ни малейшей возможности удовлетворить свое любопытство. В тот момент, когда Наврус замолчал и выжидательно уставился на него, Иоанн вдруг осознал, насколько этот толстый, внешне простоватый человек хитер. Покачивая головой, он мысленно поаплодировал стратилату: «Браво! Значит, все эти нервные телодвижения всего лишь средство, чтобы привлечь мое внимание! Просто подойти к императору и отправить его к северным воротам проблематично, а вот ежели он сам захочет проконтролировать, то кто же ему сможет помешать».

Не меняя выражения лица, Иоанн прошептал в ответ.

– Хорошо, убедили, я сам схожу.

– Ну что вы, как можно! Вы меня не так поняли. – Наврус аж вспыхнул, но тут отыграл назад как ни в чем ни бывало. – Впрочем, наверное, вы правы. Присутствие императора подстегнет этих обезьян лучше всяких приказов. Знаете, я даже пошлю с вами третью когорту Евсания из резерва.

Молча кивнув, Иоанн взглянул на довольное лицо Навруса и подумал: «Наверное неплохо, если он по-прежнему будет думать, что такие штучки со мной проходят».

Некоторое время они еще постояли рядом, а затем Иоанн со скучающим видом вернулся к своему креслу, и еще через пару минут, приказав охране оставаться на месте, покинул ставку и двинулся вдоль реки к резервным когортам.

Его уход не остался незамеченным, и Зоя, как бы невзначай, бросила многозначительный взгляд на Ликоса. Преторианский гвардеец лишь молча кивнул, мол все вижу, все контролирую и все помню. Не волнуйся.

Если бы центурион Евсаний за свою долгую беспорочную службу не потерял способность хоть чему-нибудь удивляться, то наверняка сделал бы это, увидев подходящего императора. Без охраны, без сопровождения, в простом солдатском панцире, и в шлеме армейского трибуна. Мысленно пожав плечами – не мое это дело, Евсаний гулко ударил себя в грудь и вытянул сжатую в кулак руку.

– Центурион третьей когорты, первого легиона...

– Вольно! – Оборвал его Иоанн и коротко скомандовал. – Следуйте за мной, центурион!

Развернувшись, он зашагал в сторону северных ворот, слыша, как выстраиваясь в колонну двинулась за ним вся когорта.

«По-моему, получилось неплохо, – Иоанн остался доволен собой, – теперь, главное не облажаться с варварами. Если я правильно все понял, Наврус не доверяет гавелинам. Он считает, что те по каким-то причинам могут не пойти в открывшиеся ворота. По тайному наущению Зои, например, или из страха попасть в засаду, неважно. Моя задача возглавить прорыв и не дать гавелинам возможности отвертеться. Если это так, то тут он прав, кроме меня довериться ему некому. Добрый дядюшка Наврус не поскупился даже на резервную когорту. – Иронично прокручивая недавний диалог, Иоанн вдруг почувствовал злое раздражение. – Вот только почему надо всегда так сложно?! Что, нельзя было объяснить все заранее и по-человечески?! Иногда, Наврус меня просто бесит! Ему постоянно надо все запутать и выкрутить через задницу».

Чувствуя за своим правым плечом тяжелую поступь центуриона, Иоанн вдруг ощутил слева присутствие еще одного человека. Оторвавшись от своих мыслей, он оглянулся и удивленно воскликнул:

– Ты что здесь делаешь?!

Рядом с ним шла Зара. Все в той же серой далматике стремянного, но с тяжелым поясом на талии и торчащей из ножен рукоятью пехотного меча. Она ничего не ответив, лишь молча зыркнула в ответ – не говори глупостей!

Иоанн не знал как реагировать, он оставил девушку в лагере под охраной, и ее изможденный вид тогда говорил, что она точно проспит до утра. Сейчас же она бодро шагала за ним, и если бы не синяк в пол-лица, то можно было бы и не вспомнить в каких условиях она провела последние несколько дней. Он хотел уже было остановиться и отправить ее обратно, но Зара, словно почувствовав это, одарила его таким взглядом, что он передумал. «А, ладно! – Решил уступить Иоанн. – Пусть идет, не скандалить же с ней на виду у всех».

Многочисленные ворота Ура знаменовали собой восходы и закаты целых эпох в истории города. Сегодня, на пике расцвета Туринской империи, главными считались западные ворота, выходящие на фесалийский тракт, а до этого, когда столетиями здесь правили Сарды основную дорогу открывали дубовые створки восточных ворот. Ну, а еще раньше «правили бал» северные. В ту пору богатый и могучий Ур был непререкаемым авторитетом в торговле с северными варварами. Тогда эти ворота, прикрытые двумя квадратными башнями, символизировали мощь растущего города, а сейчас, спустя пол тысячелетия, когда былая слава уже угасла, поистрепался и некогда парадный вход. Исчезли яркие краски, позолота, облупились носы монументов, но одно осталось неизменным – отсюда начинался торговый путь к полуденным странам.

На взгляд цезаря, подошедшего к позициям четвертого легиона, их легату Ганима Персулу следовало бы подтянуть дисциплину во вверенном ему подразделении. Вялотекущие действия его подчиненных действительно мало походили на настоящий штурм. Перешедшие ров гавелинские когорты не проявляли ни малейшего рвения взобраться на стены. Закрывшись щитами, они демонстрационно-бестолково топтались под стенами, предоставляя торкам соревноваться с горожанами в меткости стрельбы из лука.

– Почему не атакуете, легат? – Голос Иоанна заставил вздрогнуть сидящего в кресле Ганима.

– Что?! – Пожилой сухопарый человечек подслеповато прищурясь уставился на цезаря.

«Если он сейчас спросит – кто вы, – саркастически хмыкнул Иоанн, – придется его арестовать за непочтение к императорскому достоинству».

К счастью для легата память у него была лучше зрения, и присмотревшись, он узнал виденного им лишь однажды претендента на трон.

– Иоанн? – Выразил он крайнее удивление. – Что вы тут делаете?

Сцена показалась Иоанну забавной, и он усмехнулся.

– Это у вас, легат, надо спросить, что вы тут делаете, поскольку на штурм все это, – рука цезаря обвела сжавшиеся когорты, – мало похоже.

Ганима недовольно скривился.

– Это же гавелины. Арианово отродье! Им бы только жрать и спать! – Он тяжело вздохнул. – Хорошо хоть не разбежались до сих пор.

Иоанн ожидал чего угодно: дурацких отговорок, разгильдяйства, и прочей варварской хитрожопости, но такой откровенный саботаж и нежелание хоть что-нибудь делать ошарашили. От неожиданности он бросил взгляд на Евсания, но тот мгновенно нацепил на лицо маску служивого идиотизма – не могу знать, не моего ума дело!

«Понятно». – Почти вслух процедил Иоанн.

В тот момент, когда на совете они решили поставить гавелинский легион против северных ворот, никто не ждал от него чудес. Как сказал тогда Наврус: «Их задача только одна – стянуть на себя все внимание горожан, дабы дать Велию возможность подойти к воротам».

Оценив взглядом замершие когорты и вялую перестрелку торков с защитниками, цезарь глубокомысленно вздохнул: «Похоже, с этой задачей они не справились».

Нужно было срочно исправлять положение, и Иоанн понятие не имел как это сделать. Броситься самому на штурм? Что-то подсказывало, что не поможет. Третья когорта, конечно, пойдет за ним, а гавелины нет. Он для них не авторитет, останутся стоять как стояли.

«Единственно, что может заставить их лезть на стены, – промелькнуло в голове Иоанна, – это страх и алчность. Могу я их напугать или зажечь огонь жадности в их душах? Наверяд ли, но попробовать я обязан».

Жесткий, не терпящий возражений взгляд, хлестнул по лицу легата.

– Всех трибунов и центурионов ко мне!

– Сейчас? – Недоверчиво проворчал Ганима, и в голосе Иоанна послышалась неприкрытая угроза:

– Мне повторить, легат?!

Повторять не пришлось, Ганима с каменным лицом отдал приказ, и через некоторое время вокруг собрались запыхавшиеся от бега командиры.

Пройдясь суровым взглядом по раскрасневшимся лицам, Иоанн задал вопрос:

– Вы знаете кто я?

Большинство утвердительно кивнуло, и в тоне Иоанна появилась нотка праведного гнева.

– Пять легионов уже закрепились наверху, еще немного и штурмовые отряды ворвутся в город, а вы все еще трусливо топчетесь у подножья. К вечеру мы возьмем город. С вашей помощью или нет, неважно. После победы, я справедливо разделю добычу между победителями. Между победителями, среди которых вас не будет! – Выждав паузу, он обвел взглядом стоящих вокруг. – Спросите меня, что ждет вас?! Ну!.. Спросите!

Никто не подал голоса, и Иоанн, не дождавшись, продолжил:

– Не хотите, а я вам скажу... Если вы сейчас же не докажете мне, что я не прав, то за саботаж, за трусость и предательство весь легион ждет децимация и расформирование! Выбирайте!

После мгновения гробовой тишины он почти выкрикнул.

– Чего вы ждете?! Выбирайте! Орла легиона либо сюда, – его палец ткнул себе под ноги, – либо туда, на стену! – Повинуясь моменту, рука сама выхватила меч из ножен и взмахнув, указала на зубцы башен. – Вперед!

– Вперед! – Раздался первый голос в ответ, и его тут же подхватили остальные. – Вперед! – Понеслось над легионом, вместе с разбегающимися по своим когортам командирами. – Вперед!

Страх наказания, угроза остаться без добычи, новость, что город уже почти взят. Неизвестно, что из этого кардинально изменило настрой легиона, может быть все вместе взятое, но гавелины, вдруг вспомнили кто они теперь есть такие.

– Барррра! – Пронеслось над головами. – Баррра!

Неизвестно где прятавшиеся до сих пор штурмовые группы бросились с лестницами к стенам, и вялотекущая имитация, набирая обороты, начала стремительно превращаться в настоящую кровавую мясорубку.

Иоанн стоял прямо напротив ворот, и два легионера прикрывали его с обеих сторон щитами. Стрелы прилетали не часто, лучникам на стенах было чем заняться. Гавелины, не смотря на летящие камни и потоки горячей смолы, упорно лезли вверх. Цезарь смотрел на обожженные, орудие от боли фигуры, на разбитые головы и старался не думать, что именно он ответственен за них за всех.

«Чтобы Велий смог подойти к воротам, у защитников города не должно быть ни одной свободной минуты, и ни одного свободного человека». – Этой мыслью он пытался вытеснить все остальные, но в том аду, что творился вокруг, это было непросто.

Затрещав, рядом сломалась лестница, и легионеры, как горох посыпались на камни. Восторженный рев осажденных смешался с воплями переломанных людей, но порыв легиона этим уже было не сломить. С упорством обреченных гавелины тут же установили новую лестницу на место упавшей, и новые смертники вновь поползли вверх. В этом остервенении было какое-то безумие, словно решившись на штурм, люди вырвали из себя инстинкт самосохранения и попросту не понимали, что умирают по-настоящему.

Солнце уже поднялось над крышами домов и таиться уже не было смысла. Велий вел свой отряд по запутанному лабиринту улиц, и по тому как мало им попадалось встречных горожан было понятно, что все силы сейчас брошены на защиту стен.

Каждого встречного Лука встречал по отработанному сценарию. Едва завидев, он начинал кричать с характерным сардийским акцентом: «Бегите! Бегите назад! Имперцы в городе! Имперцы прорвались на южной стене!» Действовало безотказно. Горожане разворачивались мгновенно и во весь дух бежали в обратную сторону. Были и минусы. Паника неслась впереди них и намного быстрее. Рано или поздно, для остановки этого мифического прорыва должны были кого-нибудь послать, и встречаться с этим отрядом Велию не хотелось. Поэтому, после каждого такого выступления, он пытался свернуть и двигаться уже по другой улице. В результате этих маневров они заблудились. Лука не сразу это понял, в горячке бега, посреди узких коридоров абсолютно одинаковых улиц трудно было разобраться, но в какой-то момент, он вдруг четко осознал – здесь они уже были.

Остановившись, Велий взглянул на солнце – они катастрофически опаздывали. «Что делать? – Заметались в голове панические мысли. – Нельзя же бегать по этим крысиным норам до бесконечности, штурм может захлебнуться в любую минуту».

Он попытался успокоиться, и в этот момент, вдруг почувствовал взгляд. Сзади, в спину, точно между лопаток, испуганный липкий взгляд. Лука резко повернулся – никого, глухая каменная стена. Взгляд медленно пополз вверх и уперся в узкое стрельчатое оконце. Сомнений не было, смотрели точно оттуда.

«Нам нужен проводник! – Четкая мысль связала все ощущения, и ухватившись за край забора, Лука одним прыжком взлетел на стену забора. Его взгляд обшарил крохотный дворик и остановился на дощатой двери. Еще один прыжок, короткая перебежка, и удар ноги вышиб хлипкую преграду.

Ладонь легла на рукоять меча, и лезвие плавно вышло из ножен. Лука осторожно вошел вовнутрь. Первая комната, вторая – опять никого, но в углу лестница наверх. Предательская ступенька скрипнула под ногой и комит поморщился, но пошел дальше. Едва голова поднялась

над люком, как его взгляд обшарил помещение. Везде пусто и только в дальнем углу три пары перепуганных глаз.

Велий поднялся наверх и выпрямился во весь рост. На солнце хищно блеснул клинок, и шуплый мужчина у противоположной стены, судорожно обняв женщину и ребенка, закрыл их собой.

Лука смотрел на эту сжавшуюся троицу, а те что-то лихорадочно бормоча ждали смерти. Наконец, горожанин, не выдержав напряжения, медленно повернул голову, и их взгляды встретились. Навстречу Велию выплеснулась бездонная тоска и мольба о пощаде, но старого солдата это ничуть не тронуло. Сколько их было таких в его жизни – пожалеешь, повернешься спиной и получишь вилами в печень. На войне нет места двум вещам считал он – слабости и жалости.

Не убирая меча, Лука поманил горожанина к себе.

– Подойди.

Тот, не сразу решившись, все же оставил семью и, испуганно косясь, остановился в шаге от страшного захватчика. Острые имперского меча ткнуло его в шею так, что капля крови ожгла кожу.

– Проведешь меня к северным воротам, будешь жить. – Голос чужака резанул угрозой.

– А? – Горожанин аккуратно скосил взгляд в сторону женщины и ребенка.

– Отпущу всех, когда увижу северные ворота. – Тон имперца не оставлял сомнений в том, что ждет всех троих в случае отказа, и горожанин кивнул.

– Хорошо, я покажу.

Лука отвел меч, и отойдя от лестницы, приказал.

– Пошли вниз! Быстро!

Во дворе уже толпились его бойцы, и Велий молча показал на женщину и ребенка. Их тут же отвели в сторону, а дернувшегo было вслед мужчине он оттолкнул в сторону.

– Сделаешь все правильно, получишь их обратно. А выкинешь глупость... – В голосе комита послышалась пугающая холодная пустота. – Тоже получишь, но по частям.

Теперь они двигались уже не плутая, самым коротким, прямым путем. Лука не мог с точностью контролировать проводника, но солнце в правый висок подсказывало общее направление и если бы тот вздумал юлить, то это не прошло бы незаметно. Чем ближе они подходили к стене, тем больше становилось народу на улицах. Велий уже не наводил панику и не бил тревогу, этого не требовалось. Здесь все куда то бежали, что-то несли, кричали, создавая такую круговерть и неразбериху, что отряд сардов спешащий на битву, ни у кого не вызывал подозрений.

Когда в конце улицы показались ворота, проводник остановился и, повернувшись к Велию, опасливо пробурчал:

– Ты обещал отпустить жену и дочь.

Комит взглянул на мужчину, потом на ворота. Подходы к ним были завалены баррикадой. Как и предсказывал Наврус, горожане подготовились к тому, чтобы замуровать проход между башнями, если ворота не выдержат, но пока те стояли на месте и таран не выносил дубовые доски, в завале оставался узкий коридор на всякий случай.

Оценивающий взгляд пошел дальше, вокруг всей площади, и вновь вернулся обратно. К женщине и ребенку посреди солдат. Переполненные ужасом, молящие глаза метнулись навстречу, и Лука нехотя произнес.

– Ладно. – Его взгляд нашел центуриона и дал знак отпустить пленниц. Бойцы посторонились, и женщина с ребенком испуганно прижалась к стене.

– А ты пойдешь с нами. – Взяв за плечи, Велий развернул тщедушного мужичка обратно к воротам и слегка подтолкнул.

Дальше они уже не бежали, а шли строем, стараясь выглядеть уверенно. Никто им не мешал, и только у самой баррикады появившийся в проходе здоровенный мужичище остановил их.

– Куда, зачем? – Огромная пятерня уперлась Луке в грудь.

– Мы... – Комит только открыл рот, как их проводник вдруг рванулся в сторону и разрывая рот, завопил:

– Тревога! Имперцы!

Мужичище еще только схватился за рукоять меча, а клинок Велия уже коротко ткнул его в живот. Выпучив глаза, тот стал оседать на землю, а взгляд комита на миг остановился на испуганно-побелевшем лице рядом. Взлетел меч, окрашивая его кровью, и в голове промелькнула мысль: «Не пожалел бы бабу, глядишь, и мужик бы ее остался жив».

В следующее мгновение он уже рванулся вперед, сшибая выскочивших перед ним горожан.

Глава 6

Порыв ослабевал. То эмоциональное пламя, что вспыхнуло в гавелинских сердцах затухало на глазах, и с этим ничего сделать было уже нельзя. На лестницах еще ползли вверх последние храбрецы, тогда как основная масса бессмысленно копошилась внизу, лишь подставляясь под стрелы и камни с городских стен.

Глядя на это, Иоанн все больше и больше понимал – поднять гавелинов на новый штурм практически невозможно. У соседних легионов дела обстояли немного лучше, но как и предсказывал Наврус ни одному из варварских легионов закрепиться на стене не удалось. Кроме двух участков, где имперские когорты до сих пор удерживали захваченные плацдармы, по всему остальному периметру напор стихал и отступление становилось лишь вопросом времени.

«Если Лука не появится сейчас, – подумал Иоанн, – то очень скоро открывать ворота будет уже не для кого. Штурм захлебнется, и для меня это будет катастрофа. Василий и Зоя тут же обвинят в напрасных потерях и потребуют расследования. Легионы промолчат, и как-то так случайно получится, что утром меня найдут мертвым. Войскам объявят, что я покончил самоубийством, не выдержав груза вины и собственной слабости».

Чувствуя, как «почва уходит из-под ног» и противно слабеют колени, цезарь, сжав кулаки, поднял лицо к небу и зашептал:

– Великие небеса, Всемиловивейший и Всепрощающий Митра, если я все-еще нужен тебе, если моя миссия на земле не исчерпана, то самое время показать свою волю и могущество!

Шепча с зажмуренными глазами, Иоанн ничего не видел, но раздавшийся скрип воротных петель ни с чем спутать было нельзя. Не веря себе, цезарь уставился на открывающиеся ворота. Целое мгновение потребовалось ему, чтобы совладать с неконтролируемо опускающейся нижней челюстью, а затем он вновь вскинул взгляд к небесам.

– Клянусь, ты не пожалеешь! – Прошептав, он обернулся к легату четвертого легиона и в сердцах выругался. Тот лежал на земле, и суеятящаяся вокруг свита колдовала над торчащим из груди военачальника арбалетным болтом.

«Это ж чем надо прогневить судьбу, чтобы смерть нашла даже здесь. – В сознании Иоанна, это почти равнодушное удивление сменилось насущным вопросом. – Если легат мертв, то кто поведет легион на прорыв?»

Его взгляд прошелся по лицам заместителей, и он отмел их одного за другим – эти впереди солдат в неизвестность не полезут. Оставался только один вариант и, выдохнув, Иоанн отбросил сомнения. Рука с оружием взлетела над головой, и полуобернувшись к когорте, он закричал на пределе возможного:

– За мной! На штурм!

Ноги сами понесли тело вперед, рот продолжал что-то орать, и мир в глазах сузился до черной щели в воротах. Что там за ней?! Великий со своими парнями или враг?! А вдруг это засада! Не желая думать о плохом, Иоанн зарычал, закрываясь злой бешеной пеленой от собственного разума и страха.

Промелькнули ворота, затем каменный коридор, он бежал вперед каждую секунду ожидая наткнуться на строй горожан, но никого не было. Позади остался узкий проход в баррикаде, и взгляду цезаря открылась пустая площадь. Городское ополчение разбегалось, не решившись на сопротивление. От неожиданности Иоанн остановился, и, стянув с головы шлем, жадно схватил ртом воздух. Пот ручьем бежал по лицу, бешено колотилось сердце, а в висках лихорадочно стучало только одно слово: «Победа! Победа! Победа!»

Обгоняя его, мимо уже неслась людская река из орущих перекошенных лиц, лязга оружия и грохота тысяч подкованных сандалий. Охваченные ужасом, горожане бежали повсюду насколько хватало глаз, бежали, бросая оружие и ища спасение в лабиринте городских улиц.

В счастливой прорагии Иоанн откинулся спиной на стену и блаженно закрыл глаза. В сознании крутилась радостная эйфория сменяя чудовищное нервное напряжение последних дней. «Я победил! Победил! – Сладкое как мед возбуждение крутилось в голове. – Я победил! Я император!»

– Что с тобой? Ты ранен?! – Голос Зары вернул его в реальность, и, приоткрыв глаза, он улыбнулся.

– Все хорошо! Со мной все хорошо!

Девушка облегченно выдохнула, и уголки ее губ раздвинулись в ответ. Они молча смотрели друг на друга, наслаждаясь только им понятным мгновением. Не слыша рева бегущей толпы и грохота железа, они улыбались глядя друг на друга. Улыбались как люди, осознающие, что только благодаря тому чувству, которое вспыхнуло и живет где-то глубоко внутри них, они все еще живы.

Из бурлящей вокруг них толпы вдруг вынырнул Велий, и с одного взгляда оценив сцену, отвернулся и крякнул в кулак.

– Хм-хм!

Оторвавшись от глаз Зары, Иоанн выпрямился и вздернул подбородок.

– Я слушаю вас, легат Лука Велий.

Тот, как и положено, почтительно склонил голову.

– Мои император, необходимо срочно развивать прорыв, а я не могу найти легата. Не знаете, где штаб легиона?

Иоанн жестом остановил Велия.

– Не ищи, легат Ганима мертв. – Прищурившись, он внимательно осмотрел площадь. Легион остановился. Предоставленные сами себе, гавелины занялись тем, что у них во все времена получалось лучше всего – грабежом. Кое-где уже вспыхнули ссоры из-за добычи.

«Этой волчьей стае срочно нужен новый вожак, – подумал Иоанн и вновь остановил взгляд на лице друга.

– Придется тебе, Лука, принять эту банду на себя.

Скривившаяся физиономия Велия лучше всяких слов сказала все, что тот думает об этом, и цезарь, нахмурившись, отрезал:

– Лука Велий, я приказываю тебе возглавить четвертый варварский легион и немедленно продолжить наступление. – Смягчив тон, он добавил. – Не дай горожанам укрепится в цитадели.

– Слушаюсь, мой император! – Легат ударил себя в грудь сжатым кулаком и вытянул в приветствии руку.

Ответив на приветствие, Иоанн отпустил Велия, и тот, подзвав бойцов своего штурмового отряда, раздал им короткие приказы. Его люди тут же бросились исполнять, а сам он, выбрав заметное со всех сторон площади место, встал там в ожидании. Очень скоро отыскался отставший штаб легиона и рядом с Лукой поднялся штандарт с орлом, и заполоскались значки всех четырех когорт. Еще через пару минут перед ним выстроились центурионы и трибуны. Что он им сказал, Иоанну было не слышно, но по тому как резво они помчались, стало понятно – впечатление на своих новых подчиненных Велию произвести удалось.

Рыхлая людская масса, заполнившая площадь, забурилась, зашевелилась, и на первый взгляд массовое хаотичное движение, к удивлению Иоанна, привело к построению почти ровных прямоугольников.

От выстроенных когорт к штабу побежали трибуны, и приняв доклады, Велий молча прошелся вдоль выстроившегося легиона.

– Знаете, что скажут про вас завтра? – Голос Велия загремел на головами легионеров. – Завтра каждый торгаш в лагере будет смеяться над тем, как гавелины четвертого легиона первыми вошли в город, а получили лишь медяки да старое тряпье. Будут потешаться над тем, что пока вы тратили время на хибары бедноты, другие легионы, взяв цитадель, получили все богатства Ура.

Шеренги мрачно молчали, пока Лука не прокричал:

– Так что будете собирать здесь гроши или вести вас на цитадель?

И тогда над площадью раздался единый выдох всего легиона.

– На цитадель!

– На цитадеееель! – Эхом ответили стены и крыши домов. Тут же надрывно завывла труба, мерно зарокотали барабаны и вытянувшиеся цепочки легионеров вслед за Велием потекли в темное нутро узких городских улочек.

Легион исчез в этих похожих на щели улицах так быстро, что после бурлящего столпотворения, враз опустевшая площадь произвела на Иоанна гнетущее впечатление. Валяющиеся повсюду трупы, резкий запах крови и мертвечины напомнили ему о печальной реальности. Он завоеватель, это он принес в этот мирный город смерть, разрушение и несчастье.

Его взгляд прошелся еще раз по пустому пространству между линией домов и городской стеной, и вдруг обнаружил, что они с Зарой здесь не одни. С другого конца площади, прямо к нему маршировал десяток легионеров во главе с центурионом, в котором Иоанн опознал Евсания.

– Ба, – на правах старого знакомого усмехнулся цезарь, – как же ты решился оставить свою когорту?!

Центурион словно бы извиняясь развел руками.

– Легат приказал! Сказал, чтобы я лично возглавил вашу охрану. Мол головой отвечу, если что.

Иоанн с улыбкой покачал головой. – «Перестраховывается Велий. Город то можно сказать уже взят».

Четыре легионера с Евсанием впереди, затем Иоанн, за ним Зара, а следом еще шестеро бойцов. В таком порядке, окруженный охраной, цезарь продвигался к центру города. До этого момента, они не встретили ни одного человека, ни горожан, ни своих. Город будто вымер, но все равно воздух словно пропитался напряжением и нервозностью. Центурион постоянно крутил головой, прислушиваясь к любому шороху и не спуская глаз с окон вторых этажей. Зажатая с двух сторон глухими стенами домов, узкая улочка, больше всего напоминала горное ущелье, и эта стесненность давила на маленький отряд ощущением беспомощности в случае внезапного нападения.

Эта нервозность передалась и Иоанну, его не покидало ощущение, что кто-то постоянно следит за ними сверху и ждет удобного случая. Он убеждал себя, что никого здесь нет, что боеспособные горожане сейчас спешно отходят к цитадели, а остальные, кто выжил, забились по щелям и им не до засад. Разуму этих доводов хватало, а вот душу все равно грызло ощущение тревоги. Он даже вздрогнул, когда Зара дотронулась до его плеча.

– Что? – Иоанн обернулся к девушке, и та встретила его странным отстраненным взглядом. Она выглядела так, будто только что вернулась откуда-то издалека и плохо понимает, что происходит вокруг.

Иоанн сжал ледяную ладонь девушки.

– С тобой все в порядке?

– Да. – Она кивнула, и ее большие зеленые глаза впелись в лицо цезаря.

– Готовься! Это случится сейчас. – Тщательно скрываемая тревожная нотка все-таки пробилась в голос.

«О чем это она? – За последнее время столько всего навалилось, что цезарь попросту забыл о том, ради чего Зара вообще вошла в его жизнь. Он не задал этот вопрос вслух, потому что прочел молчаливый ответ в ее глазах.

«Час судьбы пробил! Время решать кто умрет, а кто останется жить наступило или вот-вот наступит».

– Подожди! – Поняв о чем она, Иоанн чуть не взорвался. – Ты же обещала, что твой магистр предупредит за день или за два, что мы успеем подготовиться. А сейчас?! Когда это случится? Кто этот человек?

Зара ожгла его взглядом.

– Не дергайся! Великий магистр говорит мне, что это случится сейчас. Кто этот человек, ему разглядеть не удастся. Скорее всего, потому что это не основной игрок, и мотивы его туманны, а чем меньше понимания, тем сложнее рассмотреть нити судьбы.

Не снижая шага, Иоанн возмущенно фыркнул:

– Легко тебе говорить, не нервничай. Не тебя же идут убивать!

В глазах Зары появился немой укор, и цезарю стало стыдно.

– Извини! – Он отвернулся понимая, что погорячился. Они столько прошли вместе, и эта девушка не раз рисковала жизнью ради него.

Теперь они шли молча, и Иоанн прокручивал в сознании тот давнишний разговор в ночном шатре.

«Узел судьбы, по учению Данациуса, это когда нити двух разных людей пересекаются и дальше остается только один. Если Великий магистр не знает этого человека, то скорее всего, я его тоже не знаю, но при этом он не может быть случайным человеком, случайным стрелком из окна, например. Узел судьбы не про это! Он сводит вместе нити людей, имеющих настолько неразрешимые противоречия, что способов их решения кроме убийства, попросту не существует. Значит, скорее всего, я только думаю, что не знаю его, а на деле я уже с ним встречался. Вспоминай, кого ты мог так сильно обидеть, чтобы он мечтал о твоей смерти. – Иоанн напрягся, прокручивая последние события, и ничего не вспомнив, искренне взмутился. – Нет, это нормально?! Я даже не знаю имени человека, настолько сильно желающего убить меня, что в дело вынуждена вмешаться сама богиня Судьбы. Я бы понял, если бы это был Василий или Зоя, или даже Сцинарион, но тогда магистр увидел бы их, ведь он следит за ними. Даже если бы они действовали не сами, а послали убийцу, он бы увидел. Хотя... – Цезарь полистал в памяти трактат Эртория Данациуса «Возможности человека влиять на свою судьбу», и нашел что искал. – Если бы посланный убийца имел свой мотив, преобладающий над мотивацией заказчика, и видел бы во мне препятствие для достижения своей цели, то тогда могла бы возникнуть отдельная нить судьбы, невидимая для Великого магистра».

Уйдя глубоко в себя, Иоанн чуть не упал, споткнувшись о камень. Выругавшись, он мысленно обругал себя: ерундой какой-то занимаюсь! Какая мне разница кто это! Все равно подготовиться невозможно».

Пока цезарь вел свое внутреннее расследование, отряд вышел на крохотную площадь, больше похожую на перекресток двух улиц. На мгновение Евсаний остановился, решая какую из дорог выбрать. Постепенно все остальные остановились вслед за ним, и в этот момент Зара поняла – сейчас! Время на предупреждение не было, и она полностью симитировав голос центуриона, заорала:

– Щиты к бою! Засада!

Рефлексы легионеров сработали быстрее разума. Щиты взлетели вверх, и в тот же миг в них застучали стрелы.

– Отходим! Прикрыть императора! – Теперь уже звучал голос настоящего Евсания.

Не церемонясь, центурион оттолкнул Иоанна к стене и закрыл его собой. Слева и справа мгновенно выросли щиты и спины легионеров. Медленно отступая, Евсаний зашарил глазами

в поисках какого-нибудь укрытия, но оно не понадобилось. Обстрел прекратился и из домов, окружающих площадь стали выходить люди.

Глава 7

– Преторианцы! – Удивленно выдавил из себя Евсаний и, словно очнувшись, заорал. – Эй, вы что ошалели в своих палите!

Иоанн тронул его за плечо.

– Не надо центурион, они знают, что делают. Они пришли за мной.

Пойманный взгляд Зары подтвердил, они оба узнали предводителя нападавших. «Значит, все-таки Зоя! – Промелькнуло в голове цезаря. – Как звали этого громилу? Не помню. А мотив? Какой у него личный мотив желать мне смерти?»

Преторианцы медленно брали в кольцо прижавшийся к стене отряд.

«Не меньше полусотни. – Прикинул про себя Евсаний. – А у меня лишь десяток... Поляжем все и императора не спасем. Да пошлет, Огнерожденный, нам милость свою!»

Покрепче сжав рукоять меча, он поднял щит до уровня глаз и, не оборачиваясь, выкрикнул:

– Стоять насмерть, братцы! Да не посраим имя свое!

Легионеры сжались в единый кулак, а вот центурион наступающих преторианцев остановился.

– Не глупи, Евсаний, – Ликос попытался изобразить улыбку, – зачем вам умирать за какого-то безродного мальчишку. Он обманул вас! Он не император и прав на трон у него не больше, чем у тебя или у меня. Отдайте мне Иоанна с его девкой и идите на все четыре стороны. Ваши жизни мне не нужны.

Что бы не думал в это момент Евсаний, кем бы ни считал Иоанна, но этому преторианцу он точно не верил. Во-первых, старый центурион терпеть не мог всю эту придворную шелупонь. Во-вторых, конкретно этот мерзавец бесил его уже тем, что говорил с ним снисходительно и свысока. И в-третьих, Евсаний был не дурак и понимал – свидетелей в таком деле живыми не оставляют. Сам бы он, точно, не оставил. Поэтому он не стал говорить лишнего, а просто выругался – длинно и витиевато.

– Да, поглотит Ариан тебя и весь твой поганый род до седьмого колена!

В ответ на проклятье преторианский центурион, скрипнув зубами, процедил:

– Как знаешь. Это твой выбор. – Уродливый шрам побагровел от с трудом сдерживаемого гнева. В узких, почти черных глазах вспыхнула злая искра, и взмах меча бросил преторианских гвардейцев в бой.

Прижавшийся к стене десяток легионеров закрылся щитами, как гигантская черепаха. Отгрызаясь короткими выпадами, бойцы Евсания сдержали первый натиск, но иллюзий у того не было, если в ближайшее время не придет помощь, то скоро все закончится для них очень печально. При таком тотальном преимуществе преторианцы могли атаковать постоянно, сменяя лишь переднюю линию, тогда как легионеров сменить было некому. Рано или поздно усталость возьмет свое, начнутся ошибки, а с ними придут и потери.

Глядя как закрыв его спинами, рубятся легионеры, Иоанн аж встряхнул головой, прогоняя дежавю.

«Два раза за одну ночь, это уже перебор. – Бормоча, он до боли сжал рукоять меча, готовясь к самому худшему. – Помощи ждать неоткуда. Велия я сам отправил брать цитадель, а первый легион и когорта Понция сейчас наступает от главных ворот к центру, значит их появление здесь крайне маловероятно. Подожди-ка! Есть еще Великий магистр и наша сделка! Он обещал мне свою помощь!» – Цезарь повернулся к Заре и увидел только густые ресницы и плотно закрытые глаза. Напряженное лицо девушки говорило о том, что все ее силы в этот момент направлены на создание контакта с Эрторием Данациусом.

Нужно было время, а вот его то как раз и не доставало. Преторианцы не перли всем скопом, а накатывались волна за волной, и с каждой новой нажим все усиливался и усиливался. Чтобы на узком фронте бойцы не мешали друг другу, Ликос разделил свой отряд на три группы и бросал их в бой поочередно. Одна линия отходила, уступая место свежим бойцам, затем следующая, а когда в бой вошла третья, измотанные защитники цезаря стали падать один за другим.

Иоанн еще не вступил в бой, но вокруг него осталось всего четверо: израненный Евсаний, двое его бойцов, да Зара за спиной. Оскалившись, он ткнул в кого-то не глядя и тут же закрылся от летящего в голову меча. Что-то чувствительно садануло по шлему, и все закрутилось как в чудовищной мясорубке. Рядом упал пронзенный копьем легионер, а второй, получив удар в незащищенную ногу, с душераздирающим воплем рухнул на мостовую. И тут же вдруг неестественно замер Евсаний. Преторианский меч нашел сочленение пластин и пробил его доспех под правой рукой, но Иоанн уже ничего не видел кроме мелькающей вокруг смертоносной стали.

Иоанн отбил летящий ему в грудь клинок, но толчок щитом заставил его пошатнуться и потерять равновесие. Падая, цезарь даже успел смириться – это конец! Отчаянно стиснув зубы, он приготовился к разрывающей плоть боли, но вдруг все изменилось. Стоящий над ним преторианец вздрогнул, словно попал под порыв ледяного пронизывающего ветра. Ненависть, горящая в глазах, потухла, закрываясь безумной молочной пеленой, а меч, нацеленный в грудь цезаря, неожиданно взлетел и обрушился на голову соседнего преторианца. Жуткий вопль боли и непонимания пронесся над площадью, а взбесившийся гвардеец накинулся на других своих товарищей. В общей скученности его меч успел достать еще троих, прежде чем свои успели свалить безумца, но болезнь, охватившая одного, вдруг поразила следующего. Вот теперь среди преторианцев вспыхнула настоящая паника, и они шарахнулись в стороны от одержимого.

Оторвав взгляд от царящего на площади безумия, Иоанн обернулся к Заре. Все как тогда, в самый первый день. Сквозь него смотрели желтые кошачьи глаза, смотрели так словно этим взглядом она держала за горло осатаневшего гвардейца. Какие бы чувства он не испытывал к этой девушке, но в этот момент ему стало не по себе. Справившись с собой, цезарь чуть не воскликнул вслух: «Как бы я хотел знать, Зара, от кого в тебе эта сила, от Света или от Тьмы?»

Когда вслед за вторым зарубленным безумцем свихнулся следующий, преторианцы не выдержали и с единым воплем «демоны!» бросились кто-куда. Все, кроме одного. Центурион с изуродованным лицом даже не сдвинулся с места. Уклонившись от удара своего бывшего товарища, он молниеносно ткнул того в подставившийся бок. Безумец захрипел и, пуская кровавые пузыри, осел к ногам Ликоса, а тот, не глядя на него, шагнул прямо к цезарю.

Иоанн ждал, что Зара сейчас развернет убийцу и бросит его в погоню за своими поделниками, но черная как тень фигура центуриона стремительно надвигалась, не думая останавливаться. Не понимая что происходит, Иоанн бросил взгляд на Зару и застыл пораженный. В глазах девушки уже не было дьявольского света, скорее их темно-зеленая глубина наполнилась искренним недоумением и растерянностью.

– Он говорит, чтобы я не вмешивалась. Он говорит, это воля Астарты. Богиня хочет, чтобы этот узел судьбы ты развязал сам, без чьей либо помощи. – Зара выглядела жалко, потрясенная смыслом того что сказала.

Иоанн не знал, что больше его потрясло, смысл услышанного или сам вид растерянной Зары. Никогда еще он не видел ее такой беспомощной, и это только доказывало, что он не ослышался.

– Вы отказываетесь от меня!? Хотите моей смерти!? И ты тоже? – Его взгляд смотрел ей прямо в глаза, не в силах поверить в происходящее.

Дождаться ответа у него уже не было времени. Над головой взлетел меч преторианского центуриона, и Иоанн, вложив все силы в удар, сумел его отразить. Дальше, он только отступал,

уклоняясь от разящего клинка. Громадное тело преторианца двигалось не по размерам стремительно, а Иоанн, отходя задом, не видел ничего кроме мелькающего перед носом меча. Шаг за шагом, он приближался к ловушке, в которую его загоняли.

Для Ликоса это была почти игра. Несколько обманных движений, и он без труда припер цезаря к стене.

– Я убью тебя не сразу, – рот преторианца скривился в усмешке, – Зое приятно будет узнать, что ты мучился перед смертью.

Вложив все силы в удар, Иоанн рванулся, пытаясь достать самодовольного урода, но тот, словно ждав именно этого, увернулся и резким ударом выбил меч из рук цезаря. Отшатнувшись, Иоанн почувствовал спиной холодный камень стены – отступить было некуда. Все что он мог сделать, это выпрямиться и принять смерть достойно. Отточенное острие прокололо кожу на шее и вдруг остановилось.

– Знаешь, я даже благодарен тебе. – Ликос сдержал желание увидеть хлынувшую из горла врага кровь. – Ведь у меня, простого солдата, не было ни единого шанса получить ее. Я мог бы до конца жизни бесплодно мечтать, если бы не появился ты. Да, я благодарен, но ты исполнил свою роль, и больше не нужен! Ты ничтожество, всего лишь цена, которую надо заплатить, чтобы получить ее.

Иоанн молча слушал, чувствуя, как отточенный кончик меча ворочается в шее раскаленным куском железа. Кривясь от боли, он все-равно не смог удержаться от саркастической мысли: «Мы все платим за власть! Кто деньгами, кто предательством, а Зое придется заплатить своим телом. Приятно думать, что своей смертью я заставлю ее мучиться в постели с этим уродом».

Надо было заканчивать, но Ликос тянул. Момент торжества и предвкушения будущей награды был так упоителен, что ему не хотелось с ним расставаться. Он давно бы уже воткнул меч и покончил с этим слюнтяем возомнившим себя императором, но желание выговориться было сильнее. Он слишком долго молчал и сгорал от неисполнимости своего желания, чтобы не выжать максимум из момента своего торжества.

– В постели с ней я буду рассказывать, как ты мучился перед смертью, как истекал кровью. – Одним движением Ликос чиркнул лезвием меча вдоль руки жертвы, оставляя глубокий мгновенно набухший кровью след. – Зое нравятся такие истории, они ее возбуждают.

Глядя на искривившееся от боли лицо цезаря, Ликос удовлетворенно оскалился.

– Я принесу ей твою окровавленную голову и брошу ей на постель, а потом возьму ее прямо там, на мокрых от крови простынях.

Острие меча пройдя и по второй руке, вновь ткнуло Иоанна в шею, заставляя вытянуться. Силы покидали его, по телу мутной волной разливалась безнадега и апатия. Даже боль притупилась, и все стало как-то безразлично и скучно. Вскинув голову, он усмехнулся прямо в лицо своему врагу.

– Теперь я знаю, какой ты представляешь эту маленькую сучку, когда дронишь на нее в своей каморке.

Лицо центуриона перекопилось от бешенства.

– Тварь! – Не сдержавшись, он ударил Иоанна в лицо. Наотмашь, тыльной стороной ладони, сжимающей меч.

Голова дернулась так, что хрустнули шейные позвонки, и цезарь, теряя сознание, полетел на каменные плиты мостовой. Очнувшись, он увидел лишь занесенную для замаха ногу, и подчиняясь не разуму, а каким-то далеким диким инстинктам, метнулся вперед, не давая тяжелому сапогу как следует разогнаться. Что-то ударило в грудь, но не остановило, и влетев преторианцу в ноги, Иоанн дернул их на себя, руша возвышающуюся над ним человеческую машину.

Выронив меч и вздыбив волну пыли, преторианец с грохотом рухнул на землю, и цезарь, повинувшись проснувшемуся в нем зверю, запрыгнул ему на грудь.

– Сдохни! – Рыча, он бил кулаками в лицо лежащего под ним человека, бил со всей силы, желая лишь одного, чтобы тот никогда больше не смог подняться.

Удары цезаря разбили центуриону нос и губы, но скорее взбесили, чем нанесли реальный вред. Придя в себя после секундного шока, тот перехватил летящий ему в лицо кулак, и одним движением сбросил с себя Иоанна. Его ладонь скользнула к поясу, вытаскивая нож, и через мгновение, придавив противника всей массой к земле, он уже замахнулся для последнего решающего удара.

Зара в каком-то мрачном оцепении смотрела, как огромный преторианец загоняет Иоанна в угол и не понимала, что происходит и что ей делать. С самого раннего детства, с того самого момента, когда она в первый раз увидела Великого магистра, она всегда выполняла его приказы. Эрторий Данациус заменил ей всех: отца, мать, друзей. Он говорил ей что хорошо и что плохо, кто может жить, а кто должен умереть, и она всегда верила ему. Ему и Великой богине! А сейчас они оба приказывают ей не вмешиваться – пусть решает судьба.

Ее рука нервно стиснула рукоять меча. Лезвие на половину вышло из ножен, и со стуком влетело обратно.

– Почему?! – Мысленно закричала Зара, обращаясь к своему учителю. – Я столько раз сражалась за него! Почему же сейчас я должна смотреть как его убивают?

Голос магистра зазвучал в ее голове мягко и успокаивающе. «Постарайся принять это как данность, дитя мое. Мы не всегда можем постичь волю Великой богини, ибо не можем взглянуть на мир с той высоты с какой смотрит она».

Воля Астарты, приказ Эртория до этого момента ей всегда было достаточно этих слов, но сегодня впервые где-то внутри нее вспыхнуло пламя мятежа. Что-то во всем этом моменте было не так и что самое страшное – в словах учителя ей слышалась фальшь. Пересилив какую-то часть себя, она словно бы реально увидела спокойные мудрые глаза наставника и, глядя прямо в их бездонную пустоту, закричала:

– Я не верю! Я не верю, что этого хочет богиня! Молю тебя, Эрторий, скажи правду, в чем дело!

– Правду! – Данациус принял вызов своей лучшей ученицы. – Хорошо, я скажу тебе правду. В настоящее время мне не нужен сильный император и единое командование армии. Я рассчитывал поднять его на вершину позднее, когда мы возьмем столицу и сможем разделить с ним власть, но юноша оказался слишком прытким. Иоанн, как один из претендентов мне подходит, а Иоанн – император, мне сейчас совершенно не нужен. Он способен сломать всю игру. Конечно, потеря такой ключевой фигуры все усложнит, но я подумаю о его замене, когда придет время, а сейчас, пусть все идет как идет. Меня устраивает ситуация, где они грызутся между собой и каждый тащит в свою сторону, а армия по-прежнему стоит в долине Ура.

Через огромное расстояние взгляд магистра вошел в сознание Зары.

– Вот тебе правда! Что стало легче? Ты же знаешь, идет война, ставки в которой настолько высоки, что даже моя жизнь или твоя, всего лишь крохотные винтики в одном огромном механизме.

– Политика! – Почти с ненавистью прошептала Зара. – Холодная и бездушная политика, а совсем не воля Астарты! Это твоя воля, Эрторий, а не ее. А как же слово, что я дала ему от твоего имени? Оно то имеет цену?

Эрторий Данациус слишком привык к незыблемости своих приказов, и сейчас там далеко в Царском городе он не смог правильно оценить эмоциональное состояние девушки. Даже наоборот, на ее упрек его губы чуть тронула горькая усмешка и в голове Зары прозвучало:

– Поверь, девочка моя, за победу я готов заплатить и не такую цену.

– А я нет! – Зара вдруг широко распахнула глаза. – Я своим словом не разбрасываюсь. Если я обещала, что не позволю убить его, то сдержу обещание, и пусть Астарта нас рассудит.

Если бы в это момент небо упало на землю, то это и то произвело бы на Эртория меньшее впечатление, чем открытый бунт ученицы.

– Не смей! – Растерянно выкрикнул он, но Зара уже не слышала. Ее сознание закрылось, и магистр почувствовал это так, словно с разбегу врезался в закрытую прозрачную дверь. Переждав легкое сотрясение, он потер лоб и, собираясь с мыслями, раздраженно пробормотал: «Дело твое безнадежно, если ученики не идут по стопам твоим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.